

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию..... 8

Часть первая. Прелюдия войны 18

Глава I. Гитлер у власти. Мюнхенский сговор18

Глава II. После Мюнхена. Германия наносит удар на запад ... 34

Глава III. Советский Союз в последние дни мира.....54

Часть вторая. От начала вторжения до битвы под Москвой ... 66

Глава I. Неподготовленность СССР к войне в июне 1941 г ...66

Глава II. Вторжение76

Глава III. Призыв к всенародной войне86

Глава IV. Смоленск: первая неудача нацистской
Германии в ходе «молниеносной войны»93

Глава V. Москва в начале войны.....98

Глава VI. Осенняя поездка на смоленский фронт108

Глава VII. Наступление на Ленинград115

Глава VIII. Бои на Украине118

Глава IX. Эвакуация промышленности124

Глава X. Начало битвы под Москвой134

Глава XI. Второй этап битвы под Москвой146

Глава XII. Контрнаступление под Москвой.....159

Глава XIII. Дипломатическая сцена в первые месяцы
вторжения170

Часть третья. Ленинградская эпопея

Глава I. Враг наступает.....188

Глава II. Ленинград в осаде.....196

Глава III. «Ладожская дорога жизни»203

Глава IV. Великий голод206

Глава V. Ледовый путь.....211

Глава VI. Ленинград: личные впечатления217

Глава VII. Почему Ленинград выстоял234

Глава VIII. Немного о Финляндии.....237

Часть четвертая. Трудное лето 1942 г.	241
Глава I. Москва, июнь 1942 г.	241
Глава II. Англо-советский союз	250
Глава III. Падение Керчи, Харькова и Севастополя	257
Глава IV. Новое немецкое наступление	267
Глава V. Призыв «Отечество в опасности!»	273
Часть пятая. Сталинград	288
Глава I. Сталинград. Рассказ Чуйкова.	288
Глава II. «Сталинградские» месяцы в Москве. Визит Черчилля и последующие события	309
Глава III. Окружение немцев под Сталинградом	326
Глава IV. Сталинград: личные впечатления.	339
Глава V. Сталинград. Агония.	357
Глава VI. Сталинград в дни капитуляции немцев: личные впечатления	365
Глава VII. «Кавказ — туда и обратно»	382
Часть шестая. 1943-й — Год трудных побед	394
Глава I. После Сталинграда.	394
Глава II. Немцы на Украине Харьков в период оккупации. .	403
Глава III. Успехи советской военной экономики. Весеннее затишье 1943 г.	417
Глава IV. Польская проблема.	429
Глава V. Политические события весны 1943 г.	451
Глава VI. Курская битва	459
Глава VII. Орел в период немецкой оккупации: личные впечатления	466
Глава VIII. Преступления немцев в Советском Союзе.	475
Глава IX. Партизаны в советско-германской войне.	483
Глава X. Некоторые вопросы международных отношений и внешней политики СССР в 1943 г.	497
Глава XI. Дух Тегерана.	509
Часть седьмая. 1944-й — Год решающих сражений	519
Глава I. Некоторые характерные черты 1944 г.	519
Глава II. На Украине: личные впечатления.	528

Глава III.	Одесса: личные впечатления	559
Глава IV.	Крымская катастрофа Гитлера: личные впечатления	569
Глава V.	Политические события весны 1944 г. СССР и высадка союзников в Нормандии	579
Глава VI.	Разгром гитлеровцев в Белоруссии. «Хуже, чем Сталинград»	590
Глава VII.	Что произошло в Варшаве?	597
Глава VIII.	Люблин. Лагерь смерти Майданек: личные впечатления	612
Глава IX.	Румыния, Финляндия и Болгария выходят из войны	627
Глава X.	Второй визит Черчилля в Москву.	636
Глава XI.	Генерал де Голль в Москве	640
Глава XII.	Некоторые новые проблемы, возникшие в конце войны	649
Часть восьмая. Победа		658
Глава I.	В Германию.	658
Глава II.	Ялта и после нее	671
Глава III.	Берлин в июне 1945 г.	680
Глава IV.	Три месяца мира. Потсдам	691
Глава V.	Короткая советско-японская война. Хиросима	708
Примечания		722

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Всю Великую Отечественную войну советского народа я провел в Советской стране, поэтому, когда мне исполнилось шестьдесят лет, я острее, чем когда-либо, почувствовал, что должен написать эту книгу — прежде всего как долг и выражение признательности советскому народу. Именно советский народ вынес на себе основную тяжесть Второй мировой войны; именно он потерял в ней 20 миллионов людей. Надо напомнить об этом Западу — ведь у многих там память коротка. К их числу относится, например, президент США Джонсон: в своей речи по случаю 20-й годовщины победы союзников над Германией он даже не упомянул о жертвах, которые принес для общей победы Советский Союз. А если говорить только о человеческих жертвах, то Америка потеряла во Второй мировой войне в сорок раз меньше людей, чем Советский Союз.

У его предшественника, Кеннеди, память была лучше. 10 июня 1963 г. он сказал:

«Во всей истории войн еще не было страны, которая выстрадала бы больше, чем Россия во время Второй мировой войны.

Не меньше двадцати миллионов людей было убито. Многие миллионы домов и крестьянских дворов были сожжены или разграблены. Третья часть (европейской) территории страны, включая почти две трети ее основных промышленных районов, была превращена в пустыню».

Нечего и говорить, что столь тяжкие потери оставили глубокий след в жизни Советского Союза и именно они, нравятся это западным политикам или нет, определяли курс внешней политики Советского правительства после войны. Недоверие советских людей к Германии и к любой стране, которая помогает ей снова стать великой военной державой, остается очень сильным. Ведь в СССР нет, пожалуй, ни одной семьи, которой фашистское нашествие не коснулось бы самым непосредственным и чаще всего самым трагическим образом. Память о 1941–1945 гг. и теперь свежа в каждом советском человеке старшего возраста, а молодому поколению постоянно рассказывают и напевают в книгах, кинофильмах, радио- и телевизионных передачах

о том, что выстрадала страна, и какую борьбу пришлось ей вынести для того, чтобы сначала выстоять, а потом завоевать победу.

Было бы пустым занятием строить сейчас догадки, что произошло бы с СССР, Англией и США в 1941–1945 гг., если бы они не объединились в своей решимости сокрушить нацистскую Германию. Может быть, это и был «странный союз» (а именно так и назвал его в конце войны генерал Джон Р. Дин, возглавлявший военную миссию США в Москве), может быть, после того, как дело было сделано, он и должен был неизбежно распасться, несмотря на официальный договор о двадцатилетнем союзе, который СССР и Англия подписали в 1942 г., и другие благие решения военного времени. Но что бы члены «Общества Джона Берча» и другие политические психопаты ни болтали сегодня насчет того, что мы-де сражались «не на той стороне», мы до сих пор должны говорить: «Слава тебе, Господи, за этот “странный союз”».

В 1940–1941 гг., в течение года, Англия боролась с Гитлером почти без посторонней помощи. И также почти без посторонней помощи воевал и СССР в период с июня 1941 до конца 1942 г. Для каждой из этих стран угроза нацистского завоевания была огромной. Англия выстояла в 1940–1941 гг., Советский Союз выстоял в 1941–1942 гг. Но даже много месяцев спустя после Сталинграда Сталин по-прежнему заявлял, что нацистскую Германию можно разгромить не иначе как общими усилиями Большой тройки.

Еще одна причина, по которой я взялся за эту книгу, заключается в том, что молодое поколение на Западе очень мало знает о тех днях. Французское радио провело опрос среди некоторой части молодежи на тему о Второй мировой войне, и довольно многие ответили, например: «Гитлер? Не знаю, кто это». Когда несколько лет назад я преподавал в одном американском университете, то убедился, что многие студенты-первокурсники имеют лишь очень смутное представление о Гитлере, Сталине и Черчилле. Но имеет ли даже большинство взрослого населения на Западе достаточно ясное представление о том, как, какой ценой была достигнута победа над нацистской Германией? Естественно, что англичане интересуются главным образом военными усилиями Англии, американцы — военными усилиями Соединенных Штатов и интерес этот поддерживается в них множеством выходящих в свет мемуаров английских и американских генералов. Но в целом авторы этих мемуаров склонны затушевывать тот важный факт, что не кто иной, как русские, говоря

словами Черчилля, сказанными в 1944 г., «выпотрошили германскую армию». В силу исторических и географических причин случилось так, что действительно именно Советский Союз вынес самое тяжелое бремя в войне против нацистской Германии и что именно благодаря его борьбе были спасены миллионы жизней англичан и американцев. И во время войны как Америка, так и Англия отчетливо это сознавали. «Англия охвачена волной национальной признательности [к СССР]», — говорил в 1942 г. английский историк Бернард Пэрэ. Аналогичные чувства открыто высказывались и в более официальных кругах. Так, 21 июня 1942 г. Эрнест Бевин заявил:

«Вся помощь, какую мы смогли оказать, невелика, если сравнить ее с титаническими усилиями советского народа. Наши внуки, сидя за своими учебниками истории, будут думать о прошлом, полные восхищения и благодарности перед героизмом великого русского народа».

Теперь я сомневаюсь, что даже дети современников Бевина, не говоря уже о внуках, испытывают подобные чувства. И я надеюсь, что этот мой «учебник истории» напомнит им о некоторых вещах, которые имел в виду Бевин.

Надо добавить, разумеется, что советские люди во время войны прекрасно отдавали себе отчет в том, что члены Большой тройки несут «неравные жертвы». «Малый второй фронт» (высадка в Северной Африке) был открыт только в конце 1942 г., а «большой второй фронт» — лишь летом 1944 г. Эти с примесью холодка чувства, которые народные массы СССР испытывали во время войны по отношению к союзникам, являются одной из тем, к которой я не раз буду возвращаться в своей книге.

Что представляет собой эта книга? Ее ни в коем случае нельзя назвать официальной историей войны. И это тем более не военная история, не история военных операций. Правда, поскольку тема книги — Советский Союз в годы войны, читатель найдет в ней, конечно, ряд глав, посвященных важнейшим военным операциям. Но, рассказывая об этих операциях, я по мере возможности избегал касаться подробностей военных действий, которые могут интересовать только военных специалистов, а старался нарисовать общую картину драматического развития военных событий, концентрируя зачастую внимание лишь на таких деталях, которые оказывали прямое моральное воздействие на войска обеих сторон, например на таких фактах, как огромное превосходство немцев в авиации и в автоматическом оружии в 1941–1942 гг., или превосходство советских войск

в артиллерии и минометах под Сталинградом, или, наконец, появление в Красной Армии со второй половины 1943 г. сотен тысяч американских автомашин. Я старался также рассматривать все важнейшие военные события на советско-германском фронте в их общем значении как для СССР, так и для всей международной обстановки, потому что ход войны очень заметно влиял не только на моральное состояние Советской страны, но и на межсоюзнические отношения. Не случайно, например, мы наблюдали активизацию советской внешней политики после Сталинграда, так же как не случаен и тот факт, что Тегеранская конференция состоялась не до, а после советской победы под Курском, которая с военной точки зрения была настоящим поворотным пунктом в войне — даже в большей степени, чем битва под Сталинградом, которая, по словам немецкого историка Вальтера Герлица, имела скорее характер «политико-психологического поворотного пункта».

Эта книга представляет собой в гораздо меньшей степени историю военных действий, чем человеческую историю, а отчасти также и политическую историю войны. Мне кажется, что одним из главных обстоятельств, которые давали мне основание написать книгу, было то, что я там был. За исключением лишь первых месяцев 1942 г., я находился в Советском Союзе весь период Отечественной войны, и что меня интересовало больше всего, так это поведение, реакция советского народа перед лицом как поражения, так и победы. В страшные дни 1941–1942 гг. и на протяжении следующих двух с половиной лет тяжело и дорого доставшихся побед меня никогда не покидало ощущение, что то была подлинно народная война. Сначала это была война народа, поднявшегося против намного превосходящих сил врага (а в 1941-м, так же как отчасти и в 1942 г., немцы обладали страшной ударной силой), чтобы отстоять свою родину и собственное существование, а потом — война неагрессивного в душе народа, но теперь разъяренного и решившего доказать врагу свое военное превосходство. Сознание того, что это была их собственная война, было в общем одинаково сильно как у гражданского населения, так и у солдат. Несмотря на то что жизненные условия были очень тяжелы в течение всей войны, а в некоторые периоды — поистине ужасны, люди работали так, как никогда прежде им не приходилось работать; работали иной раз до того, что падали и умирали. Несомненно, и в армии, и среди гражданского населения бывали моменты паники и деморализации — я расскажу и об этом. И тем не менее

дух подлинной патриотической преданности и самопожертвования, проявленный советским народом за эти четыре года, имеет мало подобных примеров в человеческой истории, а история осады Ленинграда (и в меньшем масштабе Севастополя) является вообще единственной в своем роде.

На Западе некоторые спрашивали иногда у меня, как Россия могла вести и выиграть эту титаническую народную войну в условиях жесткой власти Сталина. Но народ сражался, и он сражался прежде всего, чтобы защитить «самого себя», то есть свою родину; а у Сталина было достаточно здравого смысла, чтобы с самого начала понять, что это прежде всего война отечественная. В трудные дни 1941 г. он не только прямо провозгласил, что народ сражается в этой войне за Россию и за свои национальные традиции, пробудив тем самым в советских людях чувство национальной гордости и чувство задетого национального самолюбия, но и сумел добиться того, что его признали национальным вождем. Было бы, разумеется, слишком большим упрощением считать (как считают некоторые), что это была «национальная» или даже «националистическая» война, и ничего больше. Нет, в этой национальной, народной войне советские люди сражались также за свою, советскую власть.

Я достаточно жил на свете, чтобы помнить Первую мировую войну: там, с одной стороны, тоже можно было видеть патриотизм солдат, но царский режим, с другой стороны, был и в экономическом, и в организационном отношении совершенно бессилён и не мог одержать победу, хотя тогдашняя германская армия, сражавшаяся на двух огромной протяженности фронтах (в России и во Франции), представляла для России куда меньшую опасность, чем гитлеровские захватчики, бросившие в 1941 г. на Восток всю свою военную мощь и фактически державшие ее там вплоть до 1944 г. Промышленность в России 1914–1917 гг. была не в состоянии снабдить армию всем необходимым, и русские войска несли несравненно более крупные людские потери, чем германские.

Конечно, и Красная Армия в 1941 г. (а иной раз и в 1942 г.) ощущала кое в чем страшные нехватки, но советский строй за период, прошедший с 1928 г., создал мощную промышленную базу для ведения войны, и те две с половиной пятилетки, которые СССР успешно выполнил, позволили ему организовать оборону против чужеземного захватчика. Правда, огромной важности промышленные районы в европейской части Советского Союза в 1941 г. были оккупированы

немцами, но опять-таки советский строй, Советское государство, партия совершили в этих условиях великолепнейший организаторский подвиг, сумев в разгар германского вторжения эвакуировать значительную часть промышленности на Восток. Без мощной промышленной базы на Востоке и без этой эвакуации промышленности СССР потерпел бы поражение. Очень характерно также то, что, хотя Германия и подвластные ей страны производили во время войны больше угля, стали и других важнейших материалов, чем Советский Союз, советский строй, советская организация обеспечивали лучшее использование имеющихся ресурсов, чем это было у немцев¹.

Отношение к советской власти и к Сталину во время войны представляет собой, конечно, лишь одну из многочисленных сторон психологии советского народа, о которых я буду говорить в этой книге. Я старался также установить путем наблюдений, как советский народ относился к немцам и к западным союзникам. Отношение к немцам определялось отчасти непосредственным опытом, отчасти же пропагандистскими установками, которые партия и правительство давали на различных этапах войны. В ходе изложения я расскажу о накапливавшейся в народе ярости против гитлеровцев, о специфически антинемецкой (скорее, чем антифашистской) пропаганде Эренбурга и других (пропаганде, которая сразу прекратилась в апреле 1945 г., когда Красная Армия вела боевые действия на территории Германии) и о том, как гитлеровская оккупация вызвала еще большую ненависть к врагу как у населения оккупированных территорий, так потом и у победоносной Красной Армии, когда она стала освобождать эти территории. И все же в отношении к немцам и к каждому из них в отдельности у советских воинов не было никакой национальной, ни тем более «расовой» ненависти. Даже в Сталинграде, помню, один сержант так отозвался о двух немецких военнопленных, находившихся у него под охраной: «Да ничего, люди как люди...» Вспоминаю также, с каким спокойным достоинством толпы москвичей смотрели в июле 1944 г. на проходивших по улицам города пленных немцев — их было 57 тысяч.

Отношение к западным союзникам также было весьма неодинаковым. Недоверие к Западу было настолько велико, что у советских людей вырвался вздох облегчения в 1941 г., когда стало известно, что Англия не пошла на сговор с Гитлером. Но когда дела на Восточном фронте стали идти все хуже и хуже, скоро начали раздаваться требования об открытии второго фронта, а летом и осенью 1942 г. они

сопровождались бранью по адресу союзников. В большой мере эта ярость подогревалась советской прессой. Хотя и без этого, впрочем, ярость вспыхнула бы. Красная Армия терпела на фронте большие неудачи, а союзники «ничего не делали». К лету 1943 г., особенно с прибытием на фронт крупных поставок по ленд-лизу, настроения заметно изменились, и в советской авиации в особенности западные союзники приобрели явную популярность. На советских летчиков большое впечатление производили, например, массированные налеты на Германию англо-американских бомбардировщиков. Они понимали также, что авиация Англии и США сковывает значительную часть немецкой авиации на Западе. Тем не менее даже в лучшие времена русские очень болезненно реагировали на факт «неравенства жертв».

Я пробыл в СССР все военные годы и почти каждый день записывал в свой дневник обо всем, что видел и слышал. Среди иностранных корреспондентов я, можно сказать, находился в привилегированном положении; я родился в Петербурге и говорю по-русски, как на родном языке. Поэтому я мог свободно и неофициально беседовать с тысячами людей, военных и гражданских. Я находился в особом положении еще и потому, что был не только корреспондентом крупной английской газеты «Санди таймс», но, что самое главное, корреспондентом Би-би-си, которая каждое воскресенье передавала мри «Русские комментарии», собиравшие у приемников рекордное число — 12 или 13 миллионов слушателей в Англии, не считая еще многих миллионов в оккупированной Европе и в других странах; я делал все, что было в моих силах, чтобы рассказывать Западу правду о военных усилиях советского народа².

Я был рад оказывать эту услугу советскому народу, и советские власти ценили мою работу, а потому создавали исключительно хорошие условия, чтобы я мог посещать фронтовые районы, освобожденные территории и встречаться как можно с большим числом людей. Бывало, что организовывались поездки небольшими группами по пять-шесть корреспондентов, в которых, естественно, принимал участие и я, но я часто ездил и один. К числу таких поездок, самых достопамятных для меня, было мое пребывание в Ленинграде во время блокады, поездка в Воронеж сразу после его освобождения, неделя, которую я провел на Украине в марте 1944 г. с войсками 2-го Украинского фронта, которыми командовал Маршал Советского Союза И. С. Конев. Я был на Смоленском фронте в сентябре 1941 г., в районе Сталинграда в январе и в самом Сталинграде в феврале

1943 г., потом в Харькове (дважды в 1943 г.), в Орле (в августе 1943 г.), в Киеве, Одессе и Севастополе после их освобождения в 1944 г., в Румынии и Польше тоже в 1944 г. и, наконец, снова в Польше и в Германии в 1945 г. Я не говорю уже о поездках в тыловые районы — в Тулу, Горький и другие города.

Во время этих поездок я имел возможность встречаться со многими знаменитыми генералами, в том числе с генералом В. Д. Соколовским в Вязьме трагической осенью 1941 г.; с генералами В. И. Чуйковым и Р. Я. Малиновским в районе Сталинграда; с К. К. Рокоссовским в Польше и, наконец, с маршалом Г. К. Жуковым в Берлине.

И потом — жить в Москве все эти военные годы было тоже исключительно интересно. Как на фронте, так и в Москве я пользовался каждой возможностью, чтобы поговорить с людьми. Так, разговаривая с солдатами, рабочими, интеллигентами и другими, я мог видеть, как менялись настроения в народе от некоторой растерянности 1941–1942 гг. к оптимизму и ликованиям 1943 г. и дальше, несмотря на многочисленные личные потери, лишения и огромные трудности, которые испытывало большинство населения. В Москве я познакомился со многими представителями советской интеллигенции — с писателями К. М. Симоновым, А. А. Сурковым, И. Г. Эренбургом, М. А. Шолоховым, А. А. Фадеевым, Б. Л. Пастернаком; композиторами С. С. Прокофьевым и Д. Д. Шостаковичем; знаменитыми кинорежиссерами В. И. Пудовкиным, С. М. Эйзенштейном и А. П. Довженко и многими другими... Естественно, во время войны я имел также возможность встречаться с высшими руководителями партии и правительства, а в сентябре 1946 г. состоялось мое известное интервью со Сталиным.

Все эти контакты позволяли мне составлять широкую картину советского общественного мнения — в Москве, на фронте, в только что освобожденных районах, — и я думаю, мне не нужно извиняться за то, что я уделил такую большую часть этой книги моим личным наблюдениям за жизнью и настроениями в Советском Союзе в годы войны.

Приступая к написанию этого рассказа о Советском Союзе в годы войны, было бы, однако, совершенно недостаточно полагаться только на мои личные наблюдения, как бы богаты они ни были, и на материалы прессы этого времени. В первые месяцы германского нашествия можно было догадываться об очень многих вещах, но дать точное объяснение, почему через два месяца немцы были уже на подступах к Ленинграду, а за три с половиной месяца дошли до окрестностей Москвы, было практически невозможно. В эти месяцы, когда, по вы-

ражению Пастернака, «осень шагом испытаний шла», я разделяя это общее оцепенение и растерянность, охватившие советский народ. Много было такого, что оставалось неясным во время войны, но немало таких темных мест было освещено потом, в огромном количестве книг, которые вышли в Советском Союзе, особенно после XX съезда партии. Всю доступную мне литературу я внимательно изучил, и она мне во многом помогла. В первую очередь я должен назвать шеститомную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза». Первый том этого издания лучше всякого другого источника объясняет, например, многие военные, экономические, политические и психологические причины неподготовленности Красной Армии к отражению германского нападения 22 июня 1941 г. Я широко использовал также ряд прекрасно написанных личных воспоминаний некоторых советских военачальников, таких, как А. И. Еременко, И. В. Болдина, И. И. Федюнинского и других, давших описание трагических первых дней войны. Огромное количество фактического материала как о начальном периоде войны, так и о ее последующих этапах я почерпнул из сотен других книг, которые прочел, в частности из многих книг о партизанах и о советском подполье в оккупированных районах. Или возьмем Ленинград, эту беспримерную эпопею города, в котором почти третья часть трехмиллионного населения умерла от голода, но который не сдался врагу. В своей книге «Ленинград» («Leningrad», London, 1944) я дал по-человечески правдивый, полный и точный отчет о том, что происходило там во время голода. Но тогда я, конечно, не мог располагать точными статистическими данными, скажем, о количестве продовольствия, которое имелось в городе к началу германской блокады, или о его количествах, доставленных в разные периоды в город по льду Ладожского озера. Сейчас точные сведения об этом можно найти в таких исключительно ценных работах, как книги Д. В. Павлова и А. В. Карасева о блокаде Ленинграда. С какой бы меркой к ним ни подходить, это первоклассные исторические документы. Использовал я и еще десятки книг, посвященных другим важным эпизодам войны — трудному лету 1942 г., севастопольской трагедии, Сталинградской битве, партизанским операциям в различные периоды войны, освобождению Польши, битве за Берлин и др. Большую познавательную ценность имеют также некоторые недавно опубликованные романы. «Живые и мертвые» Симонова — это фактически лучший, хотя и запоздавший, репортаж о трагических первых месяцах войны из всех, какие были написаны.

Я довольно подробно касаюсь также дипломатической истории войны, так как некоторые эпизоды ее я имел возможность наблюдать непосредственно. Мои частые беседы со Стаффордом Криппсом в 1941 г. и с Кларком Керром в более поздний период войны очень мнегодились для уяснения англо-советских отношений. Встречался я во время войны и со многими американскими дипломатами, а из французов самыми ценными для меня собеседниками были Роже Гарро, представитель генерала де Голля в Москве, и генерал Э. Пети, французский военный атташе, оба искренние друзья Советского Союза. Вообще же, как увидит читатель, отношение дипломатов к Советскому Союзу было самое различное. Даже в американском посольстве были люди, которые симпатизировали Советскому Союзу (генерал Филипп Фэймонвил, например) и всегда, даже в самые трудные моменты, верили в конечную победу Красной Армии, но были и «пессимисты», только и занимавшиеся предсказанием всяких «катастроф». Так, один американский военный «эксперт» (генерал Микела) расценил окружение 6-й германской армии под Сталинградом как... «гениальный стратегический ход» немцев!

Эта книга уже вышла во многих странах и на многих языках. Впервые опубликованная в Англии и США в конце 1964 г., она потом была издана во Франции, в Западной Германии, Японии, Италии, Голландии, Мексике, Бразилии и других странах. Всюду она встретила горячий прием у читателей. Только в Западной Германии комментарии были кисло-сладкие, а некоторые неонацисты пришли в настоящую ярость от того, что я якобы возвел «клевету» и «ложь» на вермахт.

Но я особенно счастлив тем, что моя книга — горячая и искренняя дань признательности героическому советскому народу теперь будет опубликована в Советском Союзе. Хочу также поблагодарить генерал-майора Е. А. Болтина, с которым я впервые познакомился еще в страшное лето 1941 г., за долгие часы труда, которые он посвятил редактированию и подготовке к печати русского издания книги...

*Александр Верт
Париж, июль 1966 г.*

Часть первая.

ПРЕЛЮДИЯ ВОЙНЫ

Глава I. Гитлер у власти. Мюнхенский сговор

Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен демонстрирует текст Мюнхенского соглашения со словами: «Я привёз мир для нашего поколения!»

Последний президент Веймарской республики, престарелый фельдмаршал фон Гинденбург 30 января 1933 г. назначил 43-летнего фашистского демагога Адольфа Гитлера канцлером Германской империи. Несмотря на личную антипатию, которую Гинденбург, прусский юнкер и старый солдат, питал к этому австрийскому выскочке и авантюристу, ему пришлось-таки назначить его главой правительства, так как Гинденбурга понуждало к этому его ближайшее окруже-

ние, выражавшее замыслы и желания юнкеров и крупных промышленников. Назначению Гитлера канцлером предшествовала сложная закулисная борьба между различными кликами, добивавшимися власти в Германии, которая разгорелась после выборов в рейхстаг в ноябре 1932 г. Хотя с 1930 г. нацистская партия неуклонно набирала силы и укрепляла свои позиции, ноябрьские выборы 1932 г. явились первым признаком того, что влияние нацистов начало наконец падать. Они по-прежнему оставались крупнейшей партией в Германии, но на этот раз потеряли на выборах 2 миллиона голосов — общее число проголосовавших за них избирателей уменьшилось с 13 до 11 миллионов. Вскоре после выборов канцлер фон Пален, занимавший этот пост с середины 1932 г., был по ряду причин смещен, а на его место назначен министр обороны генерал фон Шлейхер. Но это назначение не устраивало ни нацистов, ни германские монополии. Во-первых, Шлейхер попытался расколоть нацистскую партию, оторвав от нее «фракцию Штрассера»; во-вторых, он начал заигрывать с социал-демократами и профсоюзами, что не на шутку встревожило господ — хозяев крупной промышленности; наконец, он решил немного пошантажировать юнкеров и самого Гинденбурга, используя для этого такое средство, как разоблаченный скандал по делу о «помощи Востоку» (о невозвращенных государственных субсидиях, которые были выплачены терпевшим банкротство юнкерским поместьям в Восточной Германии), — скандал, в котором был непосредственно замешан сын президента Оскар фон Гинденбург. На последнем этапе своего недолгого пребывания на посту канцлера Шлейхер, видимо, носился также с мыслью об установлении военной диктатуры.

Но из всех этих противоречивых планов Шлейхера ничего не вышло. Хотя после ноябрьских выборов нацисты довольно пессимистично смотрели на свое будущее, руку помощи подал им соперник Шлейхера Франц фон Папен, который не только был видным представителем западногерманских монополий, но и пользовался очень большим доверием лично Гинденбурга. После выборов нацисты крайне нуждались в деньгах и Папен добился у крупных капиталистов согласия восполнить их обедневшую казну. Судьба Шлейхера была решена, когда Папен и Гитлер встретились в Кёльне, в доме банкира Курта фон Шредера, который еще раньше оказывал финансовую помощь нацистам.

Итак, по инициативе Папена Гитлер был назначен канцлером. Он возглавил правительство, в котором из одиннадцати членов только трое были нацисты: сам он, канцлер, министр внутренних

дел Фрик и министр без портфеля Геринг. Папен стал вице-канцлером и в этой роли всячески убеждал Гинденбурга, что назначение Гитлера главой правительства ничего, кроме хорошего, не даст; ведь фактически он будет «пленником» консервативных министров — ставленников крупной индустрии. Но если пост Фрика был, пожалуй, чисто декоративным, то министр без портфеля Геринг был одновременно назначен министром внутренних дел Пруссии и таким образом получил в свое распоряжение прусскую полицию. А она стала очень опасным орудием в его руках.

Забываясь лишь о том, чтобы власть была распределена между нацистами и ими самими «в должной пропорции», германские консерваторы, такие, как Папен и Гутенберг (министр экономики), совершенно сбросили со счетов то психологическое воздействие, которое оказало на значительную часть немецкого народа назначение Гитлера главой правительства. Так как «посвятил» его на пост канцлера сам Гинденбург, этот не пользовавшийся хорошей репутацией и легко впадавший в истерику демагог теперь в глазах немцев стал «респектабельной» фигурой.

Уже с 1929 г. Германия переживала острый экономический кризис. Все надежды на то, что Веймарская республика сможет разрешить экономические проблемы страны (а в ней все еще насчитывалось свыше 6 миллионов безработных), окончательно испарились; ни при одном из трех правительств — Брюнинга, Папена и Плейхера — никаких серьезных экономических улучшений не произошло, а те едва заметные признаки экономического выздоровления, которые в последнее время начали появляться (и которые, кстати, и явились причиной потери нацистами голосов на ноябрьских выборах), еще не стали настолько явственными, чтобы ослабить народное недовольство в сколько-нибудь значительной степени. Назначение канцлером Гитлера возымело огромный психологический эффект. Людям казалось, что для Германии началась совершенно новая эра. Нацисты уже много лет вели свою ядовитую пропаганду, и немецкий народ в общем был уже хорошо знаком с главными темами гитлеровской «Майн кампф».

Первые три месяца 1933 г. мне случилось провести в Берлине, где я временно замещал корреспондента «Манчестер гардиан» Ф. А. Войта. Помню тот день, когда я впервые увидел Гитлера в штаб-квартире нацистов в отеле «Кайзергоф», помню выражение торжества на его лице. А вечером в тот же день я стал свидетелем массовой истерии — не только многих тысяч штурмовиков, когда они марширова-

ли в своих коричневых рубашках, с зажженными факелами, а Гитлер, выбросив руку вперед, приветствовал их с балкона, но и, пожалуй, даже еще более шумной массовой истерии сотен тысяч немцев, громкими криками приветствовавших своего «фюрера». В разговорах многих немцев, особенно из мелкой буржуазии, можно было услышать смехотворные эпитеты, вроде «величайший человек в мире» или «германский Мессия», которые, однако, произносились со всей серьезностью.

В какого рода режим выльется гитлеровское «коалиционное правительство», ждать пришлось недолго. Став прусским министром внутренних дел, Геринг создал гестапо, и короткий переходный период «нормального» правления длился при Гитлере всего какой-нибудь месяц. В конце февраля произошел поджог рейхстага и нацистский террор приобрел гигантские масштабы.

На выборах после поджога рейхстага — а проводились они в атмосфере террора и запугивания — нацисты собрали 17 миллионов голосов, но даже и эта цифра составляла еще только 44 процента общего числа избирателей. У социал-демократов все еще было свыше 7 миллионов голосов, а у коммунистов — около 5 миллионов (они потеряли 1 миллион, и это было очень немного, если учесть, что нацистский террор обрушился в первую голову на них). Вместе со своими союзниками из партии Немецкий национальный союз нацисты уже имели в рейхстаге простое большинство, но для отмены конституции требовалось большинство в две трети (Гитлер пока делал вид, что он действует в рамках конституции). Но, воспользовавшись декретом о чрезвычайном положении, который Гинденбург подписал сразу же после поджога рейхстага, Гитлер сумел обеспечить себе в рейхстаге и абсолютное большинство, просто арестовав всех депутатов-коммунистов, а также и некоторых других, главным образом социал-демократов из тех, что были более строптивы. Многие социал-демократы, еще остававшиеся в рейхстаге (а он заседал теперь в опере Кроль), пытались вначале оказывать какое-то сопротивление, но уже через два месяца, 19 мая, присоединились к нацистам, одоббив лицемерную речь Гитлера по вопросу внешней политики. Но это пресмыкательство им не помогло; их партия была разогнана, как и все другие партии, в том числе даже Немецкий национальный союз, который привел Гитлера к власти, и 14 июля национал-социалисты провозгласили себя единственной законной партией в Германии. Профсоюзы нацисты тоже прибрали к своим рукам. Меньше чем

через год «унификация» («Gleichschaltung») Германии была завершена. В самой нацистской партии оставалось еще «радикальное», «антикапиталистическое» крыло, которое возглавлял Рем, но в июне 1934 г. нацисты с обычной для них жестокостью расправились над его руководителями и оно было ликвидировано.

Как смотрел на Германию внешний мир в 1933 г.? Пожар рейхстага, последовавший за этим террор, бойкот еврейских магазинов, объявленный (1 апреля) по всей стране, — небольшое начало, которое привело потом к Освенциму и другим лагерям смерти как средству «окончательного решения» еврейского вопроса, — все это произвело тяжелое впечатление на внешний мир. Именно поэтому, дав втайне, за закрытыми дверями, самые твердые заверения офицерскому корпусу в том, что он скоро перевооружит Германию, Гитлер в то же время попытался вначале «успокоить» другие страны, демагогически предложив им полностью разоружиться, но опять выдвинув при этом принцип полного равенства Германии с другими странами. В то время его, видимо, не могла не беспокоить большая озабоченность, которую установление нацистского режима в Германии создало и на Востоке и на Западе; известно, что Пилсудский сначала предложил Франции, пока не поздно, начать превентивную войну против Германии. Возможно, что Гитлер знал об этом.

Мое собственное впечатление, которое я вынес о Германии в эти месяцы истерии непосредственно до и после пожара рейхстага, было таково, что эта объятая фанатизмом страна скоро, очень скоро вырастет в угрозу для международного мира. Хотя Гитлер вел себя вначале осторожно в отношениях с другими странами, тема о том, что Германия должна «сбросить с себя версальские кандалы», уже изо дня в день варьировалась в германской прессе; всем стало ясно, что впереди ремилитаризация Германии и пересмотр (мирным или другим путем) ее «версальских» границ. Следует отметить, разумеется, что «пересмотр» Версальского договора был начат еще до Гитлера. В 1930 г., задолго до срока, установленного договором, французские войска были эвакуированы из Рейнской зоны, а при правительствах Папена и Шлейхера Германии были сделаны особенно важные уступки. Германия фактически прекратила выплату репарационных платежей, а в пресловутой резолюции от 11 декабря 1932 г., которую Франция подписала под нажимом Англии и США, был наконец провозглашен принцип «равноправия» Германии, означавший, само собой разумеется, и военное равенство. Хотя в эту декларацию и был

включен ряд «гарантийных» пунктов, главное было в том, что принцип равенства получил в ней официальное признание, а это как раз очень помогло Гитлеру, когда, придя на смену Шлейхеру, он стал добиваться для Германии права перевооружиться. Чтобы обеспечить себе полную свободу рук, поскольку Франция и Англия стали теперь оказывать некоторое сопротивление ее политике, нацистская Германия в октябре 1933 г. покинула конференцию по разоружению в Женеве и вышла из Лиги наций. Характерно, что менее чем через год Советский Союз, наоборот, вступил в Лигу наций.

Хотя пожар рейхстага, нацистский террор, разгул антисемитизма и «легальная» отмена демократического режима в Германии создали довольно-таки тревожные настроения за границей, я нашел Францию (куда я возвратился из Германии в мае 1933 г.) в исключительно благодушном расположении духа. Несомненно, в том, что произошло, премьер Даладье видел потенциальную опасность, но он уже тогда стал подумывать об установлении личного контакта с Гитлером. Для начала он послал на свидание с ним одного из своих доверенных лиц — Фернана де Бринона (в будущем откровенного коллаборациониста и предателя). Результатом этой встречи было появившееся в «Матэн» интервью Гитлера Бринону — восторженно «пацифистское» заявление, полное заверений в самой горячей дружбе к Франции. Это интервью, опубликованное по указанию Даладье, произвело успокаивающее — если не сказать полностью дезориентирующее — воздействие на французское общественное мнение, которое до тех пор с крайним подозрением смотрело на все, что происходит в Германии.

Гитлеризм к этому времени уже пустил корни и в самой Франции. Если фашистский режим Муссолини в Италии, существовавший уже более 10 лет, не оказал большого влияния на внешний мир, то этого нельзя сказать о гитлеризме. Во Франции не только среди правых, но даже и среди «левых» начали возникать всякого рода полуфашистские или фашиствующие организации и группы. Летом 1933 г. была создана отколовшаяся от социалистической партии Блюма так называемая неосоциалистическая партия, лидеры которой Деа и Марке выбросили девиз: «Порядок, власть, нация». Еще ранее созданная группировка «Аксьон франсэз» в 1933 г. становилась все более крикливой в своей пропаганде и все более откровенно фашистской. Активизировались и другие такого же сорта организации, как, например, «Огненные кресты» полковника де ля Рока. Эти и некоторые

другие, более мелкие профашистские организации 6 февраля 1934 г. выступили открыто, воспользовавшись крупными «антипарламентскими» беспорядками, которые вызвало разоблачение аферы Ставицкого. Но французский народ дал тогда решительный отпор этим вылазкам доморощенных фашистов, и в результате в 1935 г. был создан Народный фронт. Характерно, однако, что из всех этих фашистских и профашистских партий и лиг только две были открыто прогитлеровскими: небольшая организация «франсисов» и более крупная, так называемая Французская народная партия (ППФ), лидером которой являлся бывший коммунист, ренегат Жак Дорио; эта последняя, впрочем, усилилась и стала более активной несколько позже, в 1937–1938 гг. Но уже тогда во всех этих партиях и группировках можно было распознать «предтеч» будущей вишистской идеологии («Аксьон франсэз», «Огненные кресты» и др.) и прямых пособников нацистов в годы войны — коллаборационистов («франсисы», ППФ Дорио, «неосоциалисты» Деа).

Как относились правительства Англии и Франции к нацистской Германии? Можно сказать, что в период с 1933 г. до начала войны в 1939 г. на Западе был только один государственный деятель, который правильно понял природу гитлеризма и готов был пойти на решительные меры для предотвращения угрозы. Это был французский националист старой школы Луи Барту, занимавший с февраля 1934 г. пост министра иностранных дел Франции. Но в октябре того же года он вместе с югославским королем Александром был убит в Марселе. Барту уже в то время намечал фактически создание «великой коалиции» против Германии, участниками которой, кроме Франции, должны были стать ее друзья и союзники в Восточной Европе, а также, что самое главное, Советский Союз. Первоначально Барту предложил создать так называемое «Восточное Локарно», но Германия и Польша отказались в нем участвовать. Также по инициативе Барту тридцать членов Лиги наций пригласили Советский Союз вступить в Лигу наций. Советские руководители, так же как и Барту, прекрасно понимали, какую опасность представляет нацистская Германия, и они энергично поддерживали Барту. К несчастью, Барту натолкнулся на препятствия, которые создавала не только Англия, где его планы создания коллективной безопасности расценивались как попытка «окружить», а значит, «спровоцировать» Германию, но также и Польша, где Пилсудский начал уже идти на сближение с Гитлером. Тем не менее планы Барту могли воплотиться в жизнь, если бы он не

пал жертвой гитлеровских наемников — участников хорватской националистической фашистской организации усташей. В подготовке убийства Барту активную роль играл германский военный дипломат в Париже Шпейдель.

После убийства Барту министром иностранных дел Франции Стал Пьер Лаваль. Вскоре после того, как он вступил на этот пост, мне удалось однажды встретиться и побеседовать с ним. Мне хотелось узнать, намерен ли он, подобно своему предшественнику, добиваться принятия и проведения в жизнь плана коллективной безопасности при участии Советского Союза. Это была памятная встреча. «Все это очень хорошо, — раздраженным тоном сказал он мне, — все эти разговоры о Лиге наций, о коллективной безопасности, но (и тут он, повернувшись к карте Европы, ткнул пальцем в большое коричневое пятно в середине — Германию) как вы можете рассчитывать на мир в Европе, если мы не договоримся сначала вот с ними?»

Как уже было сказано, Германия демонстративно вышла из Лиги наций осенью 1933 г. И Англия, и Франция прореагировали на это исключительно вяло. Может быть, больше всего поражала примирительная позиция таких «левых» английских газет, как «Дейли геральд» и «Ньюс кроникл», чьи ведущие обозреватели У. Г. Юэр и Верной Бартлетт (последний выступал также по Би-би-си) рекомендовали терпение и вообще доказывали, что Германия имеет полное право требовать равенства и возможности перевооружиться³. Найдя в этом — и многом другом — себе поощрение, Германия продолжала нарушать военные статьи Версальского договора и в конце концов открыто их отвергла. Это произошло в марте 1935 г. В начале того же года состоялся Саарский плебисцит и Лаваль (чего не сделал бы Барту) решил ничем не препятствовать тому, чтобы Германия добилась нужных для нее результатов голосования; в итоге, не без помощи нацистских угроз, 90 процентов участников плебисцита высказались за воссоединение с Германией. После этого Гитлер заверил Францию, что у него больше нет никаких притязаний на французскую территорию, и, хотя тут сквозил намек, что у него есть зато притязания на Востоке, Лаваль это вполне удовлетворило.

После передачи Саара Германии Англия и Франция настолько уверовали в «мирные заверения» Гитлера, что очень слабо реагировали на изданный Гитлером 16 марта 1935 г. декрет о введении в Германии всеобщей воинской повинности, на создание им полумиллионной армии (для начала), а также военно-воздушных сил.

Обе они заявили несколько пустопорожних протестов, и на этом дело кончилось. На состоявшейся вскоре после этого конференции в Стресе с участием Англии, Франции и Италии Муссолини тоже «осудил» Гитлера; этой дешевой ценой он купил себе свободу рук в Эфиопии, которую тогда же предоставили ему Англия и Франция. А потом, без предварительной консультации с Францией и не сообщив об этом Лиге наций, английское правительство заключило с Германией военно-морское соглашение, по условиям которого последняя могла иметь военно-морской флот общим тоннажем до 35 процентов тоннажа английского флота. Так Англия в одностороннем порядке отменила и военно-морские ограничения, которые налагал на Германию Версальский договор. Более того, по этому же договору Германии разрешалось строить подводные лодки — что Версальский договор полностью ей запрещал — общим тоннажем до 45 процентов тоннажа английского подводного флота.

Это англо-германское военно-морское соглашение, подписанное за спиной Франции, неблагоприятно отразилось потом на англо-французских отношениях, и, когда после вторжения войск Муссолини в Эфиопию Англия высказалась за принятие санкций против Италии, Франция, заботясь о сохранности «единого фронта», сколоченного в Стресе, не поддержала этого благого намерения Англии спасти престиж Лиги наций.

После гибели Барту ни Англия, ни Франция не проявляли большой заинтересованности в улучшении отношений с Советским Союзом. Тем не менее 2 мая 1935 г. в Париже был подписан договор о взаимопомощи между Советским Союзом и Францией. Вскоре после этого Лаваль решил наконец и на поездку в Москву, где состоялись переговоры и было подписано советско-французское коммюнике. Но было совершенно ясно, что сделал он это со многими задними мыслями; для Лавалья это отчасти был предвыборный трюк, и поэтому к договору не было приложено никакой военной конвенции. Лаваль не спешил с передачей пакта на ратификацию в парламент, и это было сделано лишь после падения правительства Лавалья в январе 1936 г. Только 27 февраля, при правительстве Сарро, франко-советский пакт был окончательно ратифицирован. Гитлер же только и ждал этого предлога, чтобы после этого фактически разорвать Локарнский договор, предусматривавший демилитаризацию Рейнской зоны.

7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую зону. Франция никак не ответила на эту кражу того, что она считала самой

надежной гарантией своей безопасности и поистине краеугольным камнем всей своей системы союзов, и этот факт означал начало конца ее роли ведущей в Европе военной державы. Старик Сарро, премьер-министр, выдал из себя несколько смехотворных угроз, что Франция, мол, не потерпит, чтобы германские пушки были нацелены на Страсбургский собор, но, вместо того чтобы предпринять что-то дельное, он спешно направил своего министра иностранных дел Фландена в Лондон для консультаций с английским правительством. По Локарнскому договору англичане обязаны были выступить в поддержку Франции в случае такого вопиющего нарушения Версальского договора, каким была ремилитаризация Рейнской зоны, но вместо этого они стали советовать Франции воздержаться от какой-либо военной акции. Гитлер продолжал клясться в своей вечной дружбе к Франции в речах и интервью, которые он давал представителям французской прессы, а та всегда была готова ему услужить⁴. Французское правительство, в большинстве не желавшее что-либо предпринимать независимо от Англии, ограничилось платоническими протестами и подачей жалобы в Совет Лиги наций. Французский генеральный штаб, в котором мнения тоже разделились, разъяснил правительству, что если оно хочет пойти на военное вмешательство в Рейнской зоне, чтобы выбросить из нее германские войска, то для этого потребуется частичная мобилизация. Французское правительство не готово было идти так далеко.

Во Франции были в то время некоторые военные эксперты и политические деятели (как, например, Поль Рейно), которые уже давно доказывали, что у Франции нет армии, которая соответствовала бы ее внешней политике. Среди них был и будущий генерал Шарль де Голль. В 1934 г. де Голль, в то время полковник, опубликовал книгу под названием «За профессиональную армию» (на которую из широкой публики мало кто обратил внимание), в которой он выступал за формирование мощных танковых ударных частей, доказывал, что французская армия, состоявшая из плохо обученных призывников, малопригодна для будущей войны и будет вряд ли способна оказать помощь французским друзьям и союзникам в Восточной Европе (Чехословакии, Польше, Югославии, Румынии, а потом и Советскому Союзу), и вообще осуждал оборонительную стратегию Франции, возлагающую все надежды на линию Мажино, которую, как он, кстати, подчеркивал, немцы смогут просто-напросто обойти, совершив прорыв через Бельгию. Сейчас нет смысла строить догадки о том, что

произошло бы, будь у Франции в то время, в марте 1936 г., мощная танковая армия, вроде той, какую предлагал де Голль и за которую ратовали также такие политики, как Поль Рейно. Но возможно, что в этом случае весь ход дальнейшей истории был бы иным. Он также был бы иным, если бы французская армия даже с тем, что у нее было, вторглась тогда в Рейнскую зону.

Как бы то ни было, но с того дня, когда правительство Сарро не решилось выступить независимо от англичан в защиту самых жизненных интересов Франции, роль Франции как военной державы, с которой должна была считаться вся Европа, начала катастрофически снижаться. Как ни странно, французское общественное мнение очень вяло реагировало на случившееся. До всеобщих выборов оставалось меньше двух месяцев; помню, во время предвыборной кампании я совершил большую поездку по различным районам Франции. Предстояли выборы, на которых одержали победу партии Народного фронта. Предвыборная кампания проходила оживленно; все левые круги остро сознавали растущую угрозу фашизма, однако на предвыборных митингах и собраниях вопроса о Рейнской зоне касались немногие. Похоже было, что французы просто не отдавали себе отчета о всех последствиях, которыми было чревато занятие немцами Рейнской зоны. Даже рядовые коммунисты, несмотря на серьезные предупреждения, с которыми выступали их депутаты в парламенте, такие, как Габриэль Пери, казалось, гораздо больше интересовались тем, победит ли на выборах Народный фронт, чем рейнской проблемой.

Несомненно, что последствия Первой мировой войны, в которой Франция потеряла полтора миллиона человек, все еще ощущались в стране очень остро и перспектива всякой военной акции со стороны Франции, даже для осуществления такой жизненно важной задачи, как предотвращение ремилитаризации нацистами Рейнской зоны, вызывала у французов глубокое отвращение. Помню, как Марсель Деа, который был в кабинете Сарро министром авиации, а потом стал предателем и коллаборационистом, заметил мне однажды с типичной для него безответственностью: «Во всяком случае, раз мы ничего не сделали в Рейнской зоне, мы будем иметь два или три года мира, а это уже большой выигрыш. Поговорите с французами — большинство из них скажет вам то же самое».

Здесь мы лишь очень коротко можем коснуться зловещих событий трех последующих лет. В июле 1936 г. после антиправительственного мятежа генерала Франко началась война в Испании. После победы

во Франции Народного фронта левые круги страны были решительно настроены в пользу того, чтобы оказать помощь законному правительству Испании. В частности, коммунисты развернули широкую кампанию за поставку самолетов Испании. К несчастью, во главе правительства Народного фронта оказался лидер социалистов Леон Блюм, а он, так же как до него Сарро, боялся действовать независимо от Англии. А консервативное правительство Англии, не желавшее вмешиваться в войну в Испании, особенно на стороне республиканцев, оказывало сильнейший нажим на Блюма, чтобы тот не вздумал помогать испанским республиканцам, и в конце концов добилось своего. После этого Блюм, сколько ни ломал себе руки, сколько ни произносил жалких слов для выражения своих «симпатий» к республиканцам, в конце концов согласился на проведение жульнической политики невмешательства, в соответствии с которой Англия и Франция воздерживались от посылки оружия Испании, в то время как Германия и Италия оказывали очень широкую военную помощь франкистским мятежникам. Фактически единственную помощь извне, особенно в 1937 г., республиканцы получали от Советского Союза. В 1938 г. французы возобновили было кое-какие поставки, но вскоре после этого Чемберлен сердито потребовал у Блюма закрытия каталонской границы «для того, чтобы война скорее закончилась».

Без малого три года продолжали испанские республиканцы свою героическую борьбу, которая становилась все более неравной, и прекратили ее только в начале 1939 г. Одной из причин поражения республиканцев было то, что различным группировкам, на которые они делились — а среди них были и буржуазные либералы, и социалисты, и коммунисты, и анархисты, и ПОУМ (троцкисты), — сильно не хватало единства, сплочения. Кроме того, почти всю войну республиканская Испания испытывала серьезные трудности с продовольствием. По моим личным впечатлениям об Испании, где я провел несколько недель в конце 1937 г., самым дисциплинированным элементом среди республиканцев были коммунисты, но их было не так уж много.

Для меня, особенно с момента оккупации гитлеровцами Рейнской зоны, было совершенно ясно, что Гитлер готовится к войне; я подозревал об этом все время начиная с 1933 г., а та дерзость, с которой Германия совершила свой прыжок за Рейн в марте 1936 г., и нежелание Англии и Франции что-либо сделать, чтобы этому помешать,

не оставили у меня почти никаких сомнений в отношении того, что предпримет Германия дальше. Хотя в 1937 г. военные действия в Европе ограничивались пока одной Испанией, было ясно, что Гитлер готовится в самом ближайшем будущем, как только он продвинет дальше свою программу ремилитаризации страны, пойти на новые захватнические шаги. Можно было предполагать также, что, захватив Рейнскую зону, немцы теперь лихорадочно ее укрепляли. Характерно, что вскоре после германского «прыжка за Рейн» Бельгия порвала союз с Францией и объявила о своем нейтралитете.

В конце 1937 г. Ивон Дельбос, исполненный добрых намерений, но слабый министр иностранных дел в правительстве Народного фронта, предпринял большую поездку по союзным с Францией странам Восточной Европы. Он посетил Варшаву, Бухарест, Белград и Прагу. Характерно, что в Москву во время своего турне он не заехал, несмотря на то, что существовал франко-советский договор о взаимной помощи, к тому времени уже должным образом ратифицированный. Но хотя Дельбос и был на своем пути свидетелем ряда дружественных Франции демонстраций, он скоро понял, что друзья и союзники Франции в Восточной Европе в большой мере утратили веру во Францию после того, как она не сумела предотвратить занятия немцами Рейнской зоны. Только бедные чехи продолжали наивно верить, что в случае нападения Германии Франция придет к ним на помощь, и никак не хотели расстаться с этой иллюзией. В Польше, Румынии и Югославии уже мало кто заблуждался на этот счет. Политические лидеры этих стран, особенно Бек в Польше и Стоядинович в Югославии, уже тесно сотрудничали со странами «оси». В Румынии пробирался к власти другой прогитлеровец, генерал Антонеску.

Через три месяца после визита Дельбоса в страны Восточной Европы немецкие войска вступили в Австрию и был объявлен «аншлюсе». Чемберлен всего за три недели до этого открыл туда Гитлеру «зеленую улицу»:

«Если я прав, а я уверен, что я прав, говоря, что Лига... не способна обеспечить коллективную безопасность для кого бы то ни было, то нам незачем пытаться убаюкивать малые и слабые нации мыслью, что Лига защитит их против агрессии, и толкать их на соответствующие действия, в то время как они знают, что рассчитывать на это они ни в коем случае не могут».

Чемберлен заявил это в палате общин 22 февраля, через два дня после того, как Иден в знак протеста против чемберленовской по-

литики «умиротворения» Гитлера везде и всюду вышел из состава правительства. Было ясно, что у Гитлера нет никаких оснований беспокоиться насчет того, как ответит Англия на оккупацию Австрии; вмешательства Франции, особенно после такого заявления Чемберлена, можно было тоже не опасаться. Тем не менее это заявление Чемберлена вызвало во Франции сильные протесты и в ходе внешнеполитических прений в палате депутатов, вращавшихся вокруг последней германской угрозы Австрии — ультиматума, который Гитлер предъявил Шушнигу, — Фланден, ярый защитник политики поворота «лицом к [колониальной] империи», как он сам ее называл, подвергся резким нападкам не только левых, но также правых и центра (особенно сильно критиковал его депутат-католик Пезе). Фландена называли «представителем Чемберлена» во Франции и указывали также на то, что германские газеты и радио с особенным удовольствием цитируют его пораженческие речи.

Однако Франция вряд ли могла предложить что-нибудь очень серьезное для спасения Австрии, кроме, может быть, обращения к Муссолини или проведения в самой Австрии плебисцита под международным контролем. Один только Поль Рейно сказал, что Франция должна действовать или она окажется в полной изоляции. Министр иностранных дел Дельбос, усталый и обескураженный человек, поддержал доводы Рейно о том, как важно спасти независимость Австрии, но о том, как Франция может помочь Шушнигу в его трудном положении, ничего ясно не сказал; зато он в очень категорическом тоне заявил, что Франция должна будет лояльно выполнить свои обязательства перед Чехословакией. Было попутно отмечено, что оккупация немцами Австрии сильно ослабит стратегические позиции Чехословакии, но только и всего. Премьер-министр Шотан, юркий, с бегающими глазами человек, который все время был сторонником «политики невмешательства» в Испании любой ценой и который потом, в сентябре следующего года, станет одним из заядлых мюнхенцев, приняв благородную позу, тоже говорил о том, что Франция вернет себе свободу действий в Испании, если другие не будут соблюдать соглашения о невмешательстве, и изрекал всякие банальности насчет того, что Франции-де никак нельзя оставить Центральную Европу на произвол судьбы. Оба эти заявления были пустой болтовней.

Фактически это было в последний раз перед войной, когда значительная часть депутатов французского парламента все еще открыто

восставала против политики предоставления Германии «свободы рук» в Центральной Европе; но, хотя коммунисты и кричали по адресу Фландена: «Зейс-Инкварт!» и «Поезжай в Берлин!», значительной части правых его речь насчет поворота «лицом к империи» с бесконечными цитатами из Чемберлена продолжала нравиться. Дух мюнхенского пораженчества еще не успел распространиться на французские левые круги, но по мере приближения мюнхенского кризиса зараза быстро охватит и их — исключение составят только коммунисты.

После захвата Гитлером Австрии Советское правительство, глубоко озабоченное будущей судьбой Чехословакии, настаивало на созыве конференции в составе Англии, Франции, Советского Союза и США для рассмотрения ситуации, возникшей в результате последней агрессивной акции Гитлера, но это предложение не получило ответа. Чемберлен отнесся к нему враждебно.

Для 1938 г. были особенно характерны два явления, оба не новые, правда. Во-первых, когда в апреле 1938 г. премьер-министром Франции стал Даладье, а министром иностранных дел — Боннэ, страна поставила свою внешнюю политику в полную зависимость от Англии. Решать спор между Чехословакией и Германией Франция фактически целиком передоверила правительству Чемберлена. На Франции лежало прямое обязательство оказать военную помощь Чехословакии. Англия такого обязательства не имела. Англия добивалась, чтобы Франция не выполняла этого своего обязательства, поскольку в конечном счете это могло вовлечь Англию в войну. Со своей стороны французское правительство не имело особого желания воевать за Чехословакию, а потому оно и обратилось к Чемберлену с просьбой урегулировать все это дело так, чтобы Франция была как-нибудь освобождена от своего обязательства.

Вспоминается очень характерный эпизод. В июле 1938 г., в последний день визита английской королевской четы в Париж, во французском министерстве иностранных дел был устроен большой прием. В углу одной из комнат, залитой ярким светом хрустальных люстр, Галифакс долго о чем-то беседовал с глазу на глаз с Фланденом. Разговор наконец закончился, и я видел, какая довольная усмешка была при этом на лице у Фландена — как у кота, только что проглотившего мышь. Рассказал же ему Галифакс о том, что, оказавшись в безвыходном положении, чехословацкое правительство только что согласилось на приезд в Чехословакию лорда Ренсимена в качестве «арбитра» по урегулированию спора из-за Судетской области. Фланден

прекрасно знал: то, что предложит Ренсимен, будет означать раздел Чехословакии.

И Чемберлен (а не кто-либо из французов) вылетел в разгар кризиса, 15 сентября, в Берхтесгаден, чтобы запродать Чехословакию Гитлеру. Смешно вспоминать сейчас, какие восторги изливал в этот день Леон Блюм по поводу «благородной миссии» Чемберлена. А спустя две недели тот же Блюм встретил Мюнхенское соглашение с таким чувством, которое он сам назвал «смесью трусливого облегчения и стыда».

Вторым характерным для этого «мюнхенского года» явлением была твердая решимость Англии и Франции держать Советский Союз в стороне от всего этого дела. Это было не ново. Еще в 1934 г. Англия вынашивала план заключения пакта четырех держав, который, хотя и противоречил принципу коллективной безопасности, очень нравился Рамсею Макдональду; Мюнхен же, можно сказать, очень близко отвечал духу такого четырехстороннего пакта, одной из главных целей которого было лишить Советский Союз — а заодно и малые страны Европы — всякого голоса при урегулировании европейских проблем. Мюнхенское соглашение было заключено в обход Советского Союза, и даже сама Чехословакия не была допущена к столу конференции.

В течение всех предыдущих лет контактов на высшем уровне между западными державами и Советским Союзом было немного. После подписания в Париже советско-французского договора о взаимопомощи в Москву приезжал Лаваль, но без военной конвенции цена этого пакта была сомнительной. В 1935 г. побывал в Москве и Иден, но Болдуин, Саймон и тем более Чемберлен отнеслись к этому визиту не очень-то благоприятно. Антисоветскую позицию Чемберлена разделяли и некоторые французские политические деятели, и не последним из них был Боннэ, занимавший пост министра иностранных дел в роковой период с апреля 1938 г. до начала войны в сентябре 1939 г. Как писал и неоднократно повторял в 1937–1938 гг. Роберт Делл, женеvский корреспондент «Манчестер гардиан», «Советский Союз — это единственная держава, которая все еще хочет верить в Лигу наций и коллективную безопасность; другие великие державы саботируют их, а малые государства все больше перестают в них верить».

Хорошо характеризует «дух Мюнхена» и то, как правительства Англии и Франции уговаривали чехословацкое правительство не просить помощи у СССР по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи. Этот пакт, как мы знаем, предусматривал вмешательство Советского Союза на стороне Чехословакии, но при условии, что Франция тоже

придет на помощь этой стране. Инспирируемая правительствами Англии и Франции пресса с удовлетворением подчеркивала, однако, что Красная Армия не сможет оказать помощь Чехословакии, поскольку между Советским Союзом и Чехословакией нет общей границы.

Чтобы прийти на помощь Чехословакии, русским пришлось бы нарушить границу с Польшей или Румынией или вторгнуться в их воздушное пространство, а это было «невозможно». Другой, часто повторявшийся западной пропагандой довод состоял в том, что Красная Армия очень-де слаба, особенно после широких чисток среди ее высшего командования и офицерского корпуса вообще.

Глава II. После Мюнхена. Германия наносит удар на запад

Солдаты вермахта ломают шлагбаум на пограничном пункте в Сопоте (граница Польши и Вольного города Данцига), 1 сентября 1939 года

После похабного Мюнхенского соглашения Чемберлен, возмивший себя великим героем, который «спас мир для нынешнего поколения», начал и вовсе игнорировать своего французского союз-

ника и в совместном англо-германском заявлении, которое он и Гитлер опубликовали на следующее утро после Мюнхенского соглашения, заложил основу для «будущих» двусторонних англо-германских переговоров. Французам это не понравилось, поэтому, воспользовавшись первой представившейся возможностью, Даладьё и Боннэ пригласили Риббентропа в Париж для двусторонних франко-германских переговоров. Но нельзя сказать, что Германия стала лучше относиться к Франции после Мюнхена. Уже 9 октября, выступая с речью в Саарбрюккене, Гитлер ни словом не обмолвился о Франции, хотя говорил, находясь всего в нескольких километрах от французской границы. Но он подчеркнул зато, что линия Зигфрида будет укреплена еще надежней, и тем ясно дал понять, что полон решимости не допустить какого-либо вмешательства Англии и Франции в восточноевропейские дела. Новым явлением было также то, что Гитлер наложил фактически свое вето на участие в английском правительстве врагов «умиротворения» — Черчилля, Идена и Дафф Купера. Одна французская газета, очевидно инспирируемая Боннэ, приписывала также Гитлеру слова, что, «пока во главе французского правительства стоят Даладьё и Боннэ, опасности конфликта между Германией и Францией не будет». Это заискивание перед Гитлером, эта позиция «что прикажете?» была типичной для англо-французских руководителей в период непосредственно после Мюнхена. Полушутя-полусерьезно люди начали называть Боннэ и Чемберлена гитлеровскими «гаулейтерами» во Франции и в Англии.

Во Франции меж тем начались события, предвещавшие недоброе. Палата депутатов одобрила Мюнхенское соглашение — против голосовали только коммунисты и один правый депутат, известный журналист Анри де Кериллис. Даладьё и Боннэ старались нажать себе на этом политический капитал, говоря, что они добились «почетного мира», что Чехословакия осталась суверенной, независимой страной и что коммунисты — это почти единственные из французов, кто хочет ввергнуть Францию в войну. В правительственной и фашистской прессе началась разнузданная кампания против коммунистов. Даладьё, теперь усвоивший диктаторские замашки, становился все более оголтелым в своем антикоммунизме и всячески подчеркивал, что с Народным фронтом, как он считает, теперь навсегда покончено. В своей речи на съезде партии радикалов в Марселе он обрушился на коммунистов как на «агентов иностранной державы», которые хотят войны и которые, кроме того, «грубо оскорбляют г-на Чемберлена».

Даладьё решил, что он будет работать с правыми и центром, и отказался от сотрудничества не только с коммунистами, но и с социалистами. Через месяц после съезда в Марселе, в конце октября, Даладьё сорвал и подавил всеобщую забастовку французских трудящихся.

«Доктрина» свободы рук для Германии на Востоке казалась теперь англо-французским правящим кругам все более привлекательной. Сразу же после Мюнхена инспирируемая Боннэ газета «Тан» заявила, что франко-советский договор и франко-польский союз «во многом утратили свое практическое значение»; своего кульминационного пункта эта кампания достигла в ноябре и декабре, накануне, во время и после визита Риббентропа в Париж, когда «Тан», «Матэн» и другие газеты предались настоящей оргии, исступленно требуя в своих статьях «свободы рук для Германии на Востоке». Нечто очень похожее происходило также в Англии и США, где «Дейли мейл» и херстовская пресса развернули кампанию за создание «великой Украины» путем «присоединения» всей Советской Украины к Закарпатской Украине. Эту «великую Украину» должны были «основать» под германской эгидой авантюристы такого сорта, как престарелый «гетман» Скоропадский, Бискупский и другие «лидеры украинских националистов», проживавшие в Берлине.

В Англии Чемберлен между тем упивался своей «славой» умиротворителя. «Политика умиротворения, как ее называют, — это такая политика, которой мое правительство хочет искренне посвятить себя», — заявил премьер-министр в своей речи 1 ноября. Четыре державы, сказал он, могут плодотворно сотрудничать, несмотря на различия режимов. Будет совершенно естественно, продолжал Чемберлен, если Германия «займет господствующее положение в восточной и юго-восточной Европе». Он осторожно обошел вопрос, не придется ли в конце концов Англии поступиться и своими колониальными владениями для Германии, но эти его недомолвки вызвали настоящую бурю во Франции, где общественное мнение было настроено решительно против того, чтобы уступать Германии какие-либо французские колонии. Против этого протестовали не только деловые круги и французская армия, но также и депутаты от французских территорий в Африке, которые никак не хотели, чтобы их страны попали когда-нибудь под власть такого человека, как Гитлер, объявивший всех чернокожих «полуобезьянами».

Как только Чемберлен добился от Гитлера в Мюнхене заверения, что «между нами войны не будет», Боннэ решил в свою очередь за-

получить у немцев такое же обещание в отношении Франции. 22 ноября он торжественно объявил, что договоренность насчет такого заявления достигнута и что для его подписания в Париж приедет Риббентроп. В своей книге «Франция и Мюнхен» (A. Werth, France and Munich, London, 1939) я рассказал о необычной атмосфере, которая окружала этот странный визит. После загадочного убийства одного германского дипломата, служившего в германском посольстве в Париже, которое совершил 7 ноября какой-то молодой еврей, по Германии прокатилась широкая волна еврейских погромов, а это только усилило антинацистские настроения во Франции. Правительство опасалось демонстраций против Риббентропа — из-за этих погромов, а также из-за Мюнхена. Поэтому Риббентроп и его жена находились под усиленной полицейской охраной всюду, где бы они ни появлялись: на вокзале, где их встречали, в отеле «Крийон», где они остановились и где для них был отведен особый, находившийся под сильной охраной вход, у Триумфальной арки, где Риббентроп возложил на могилу Неизвестного солдата венок, украшенный лентами с фашистской свастикой. В Париже воцарилась прямо-таки нацистская атмосфера. Так, например, «дорогим» гостям устроили два приема — один Даладье и другой Боннэ и «неарийцев» из состава французского правительства, а их было двое, Зэ и Мандель, ни на один не пригласили. Одну часть французской прессы Боннэ различными средствами приструнил и вынудил к полному послушанию, другая же ее часть «вела себя, как надо», потому что кормилась германскими субсидиями (а субсидии немцев на фашистскую пропаганду во Франции выросли, говорят, в 1938 г. до 10 миллионов долларов). Одним из излюбленных занятий некоторых насквозь продажных французских борзописцев, таких, как Жюль Зауэрвейн из «Пари-суар» или редакторы «Матэн», стало доказывать, что Франция больше не имеет интересов в Восточной Европе и что ее обязательства перед Польшей и Советским Союзом утратили силу. Как уже было сказано, именно примерно в это время пресса подняла страшную шумиху вокруг идеи создания «великой Украины» под властью Скоропадского и других германских марионеток. Хотя с виду франко-германская декларация о дружбе была довольно безобидной — в ней даже говорилось, что она не затрагивает «особых отношений обеих стран с третьими державами», — Риббентроп во время переговоров намекнул, что если теперь интересы Франции и Германии не противоречат друг другу, то это означает, что у Франции нет больше

«интересов» в Восточной Европе. Кроме того, несколько дней спустя, выступая во внешнеполитической комиссии палаты депутатов, Боннэ (по словам Кериллиса, который был членом этой комиссии) заявил, что он «не убежден в том, что Россия, Польша и Румыния способны обороняться против Германии» и он рассчитывает на то, что Германия сумеет добиться ряда «мирных» завоеваний в Восточной Европе. Только если эти страны докажут, что они сильны в военном отношении, Франция может подумать о своих военных обязательствах перед ними; отсюда следовал вывод, что если они окажут сильное сопротивление Германии, то тогда, возможно, и Франция сочтет своим долгом выступить в их защиту, в противном же случае она это делать не намерена. Другими словами, Франция считает, что лучше будет, если эти страны согласятся на кое-какие «мирные» завоевания Германии, то есть уступят ей, например, Данциг и Польский коридор. Все подобные интонации в переговорах Боннэ с Риббентропом звучали в высшей степени подозрительно, так же как и кампания в прессе за создание «великой Украины» и т.п. Я в то время много писал об этом, и Боннэ чуть было не выслал меня из Франции.

Еще никогда в Париже так не пахло фашизмом, как в эти четыре месяца после Мюнхена. Политика умиротворения и предоставления Германии «свободы рук на Востоке», шедшая нога в ногу с истерической кампанией против коммунистов в самой Франции, достигла своего апогея. Между тем трагедия испанских республиканцев близилась к своему завершению. В январе 1939 г. Франко захватил Барселону и французское правительство поспешило установить дипломатические отношения с правительством Франко, направив к нему своим послом Петена. Даладье пытался поднять немного свой личный престиж, отправившись в турне по Южной Франции и Северной Африке, где он, особенно не опасаясь за последствия, дал отпор Муссолини и итальянским фашистам, носившимся с лозунгом «Тунис, Корсика, Ницца». Немцы, видимо, не поддерживали Муссолини в этом вопросе, и Даладье мог позволить себе быть дерзким с итальянцами! В действительности эта поездка Даладье на Средиземноморское побережье и в Северную Африку имела тоже прямое отношение к политике «свободы рук для Германии на Востоке». Даладье как бы хотел подчеркнуть: пусть в Европе происходит что угодно, а для Франции важно лишь сохранить за собой свои средиземноморские и африканские владения; в этом был своего рода отголосок фланденовской политики «поворота лицом к империи».

Тревожная послемюнхенская зима подходила к концу, когда 15 марта 1939 г. гитлеровские войска полностью оккупировали Чехословакию. Обещанный Чемберленом «мир для нынешнего поколения» кончился, и вся лживость и лицемерие мюнхенской политики вскрылись меньше чем за полгода.

Можно задать вопрос: каковы же были истинные мотивы, толкнувшие Англию и Францию на позорную мюнхенскую капитуляцию? Слишком упрощать это дело не следует. Несомненно, что люди вроде Чемберлена и Боннэ подсознательно чувствовали, что Гитлер почти наверняка не удовольствуется захватом только Австрии и Судетской области. Но они думали, что есть, может быть, какой-то маленький шанс и на то, что он не потребует большего. Они лелеяли план создания в Европе «директората четырех держав», коалиции, из которой Советский Союз был бы исключен и в решениях которой малые страны не принимали бы никакого участия. Франция, в частности, была связана прочным военным союзом с Чехословакией. Она знала, что соединенная военная мощь Франции, Чехословакии и Советского Союза почти наверняка заставила бы Гитлера отказаться от своих притязаний на Судетскую область. И все же какое-то сомнение насчет того, как будет реагировать Гитлер, у нее оставалось. Что же касается Чемберлена, то для него главной заботой было не иметь никакого дела с Советским Союзом. Не прошли даром и старания фашистской пропаганды, которая и во Франции, и в Англии на протяжении нескольких месяцев вдалбливала людям мысль, что теперь, когда Гитлер захватил Австрию, «чешский бастион», этот краеугольный камень французской системы союзов, более или менее утратил уже свое значение. Очень много шумела эта пропаганда и на такую тему, что «какое, дескать, Франции (или Англии) дело до того, что три миллиона немцев Судетской области хотят быть немцами?». Кроме того, правительства Франции и Англии всеми силами старались сыграть на глубоко укоренившихся в обеих странах пацифистских настроениях и страхе перед войной, — страхе не только перед войной, в которой они могли бы потерпеть поражение, но и перед войной вообще. Большое место занимала в этой пропаганде мощная линия Зигфрида, которая, дескать, чрезвычайно затруднит военный прорыв в Германию и потребует больших человеческих жертв. Был и еще один аргумент в пользу мюнхенской политики: говорилось, что как Англия, так и Франция должны еще выиграть время на свое перевооружение, что у обеих стран (а особенно у Франции) авиация

пока очень слаба, а пресса «пораженцев» этому подпевала, всячески раздувая леденящие кровь угрозы Геринга послать в случае чего германскую авиацию на Париж.

Политика Франции и Англии в отношении Советского Союза продолжала в течение всего этого периода оставаться враждебной. Когда после «аншлюсса» Советский Союз предложил провести консультации с Англией, Францией, США и Чехословакией, Чемберлен отклонил это предложение, как «несвоевременное». В мае М. М. Литвинов предложил Боннэ начать переговоры между генеральными штабами обеих стран, но не получил на это никакого ответа. Ни в июле, когда английское правительство послало в Чехословакию Ренсимена, ни в последующие недели, когда оно продолжало оказывать давление на чехословацкое правительство, оно не сочло нужным консультироваться с СССР. В сентябре на предложение Литвинова французскому поверенному в делах в Москве о немедленных консультациях между обоими правительствами, переговорах между генеральными штабами и демарше перед Лигой наций не последовало никакого ответа. Аналогичные предложения советского посла в Англии Галифаксу 7 сентября постигла такая же судьба. 23 сентября Литвинов заявил английскому представителю в Женеве, что Советский Союз готов прийти на помощь Чехословакии, и предложил немедленно начать военные переговоры. Никакого ответа.

Хотя пораженческая пропаганда на Западе только и твердила, что «русские ничего не делают» и что, во всяком случае, если даже они предложат свою помощь Чехословакии, о проходе советских войск через Румынию не может быть и речи, мы теперь знаем, что в Киевском военном округе были в то время сосредоточены крупные силы советских сухопутных войск и авиации и что Советский Союз пришел бы на помощь Чехословакии, если бы та обратилась к нему с такой просьбой и особенно если бы Запад что-то предпринял для этого со своей стороны. Правда, 24 сентября французская армия и английский флот были приведены в боевую готовность, но уже по прошествии трех дней французский посол в Берлине Франсуа Понсе дал ясно понять Гитлеру, что ничего очень серьезного в этом нет и что на самом деле французское правительство готово фактически уступить всем его требованиям. Почетная роль «миротворца», предложившего созвать мюнхенскую конференцию, досталась Муссолини.

Горькая и унижительная правда была в том, что в Англии и Франции широкая публика встретила Мюнхен вздохом облегчения. Чехов жаль, конечно, но зато мир в Европе спасен. Как мы говорили выше, во Франции только коммунисты и еще один человек голосовали против Мюнхенского соглашения. В Англии реакция была чуточку острее — там Черчилль, Иден и Дафф Купер открыто выразили свое неодобрение, а Дафф Купер в знак протеста вышел из правительства, но, как показали дополнительные выборы в Оксфорде, Чемберлен пользовался (пока) довольно большой поддержкой в стране.

«Доктрину», гласившую «предоставим Германии свободу рук на Востоке», начали открыто пропагандировать не до, а скорее после Мюнхена, особенно когда стало ясно, что Гитлер скоро потребует новых жертв. Чемберлену хотелось, чтобы его «творение», искалеченная Мюнхеном Чехословакия, была оставлена в покое; он надеялся также, что Гитлер не тронет и Польшу. Вот почему в Англии лелеяли мысль, что если Гитлер захочет чего-то еще, пусть он это получит, развивая свою экспансию в юго-восточном направлении; отсюда бредовые планы создания «великой Украины» и отсюда же заявления Чемберлена о том, что на Востоке и Юго-Востоке Европы (то есть на Балканах) Германия должна занять «господствующее положение».

Как бы то ни было, Гитлер стал действовать вразрез тому, на что надеялся Чемберлен. 15 марта он захватил Чехословакию и принял за Польшу. Вторжение германских войск в Чехословакию поставило Чемберлена в исключительно смешное положение, и, как догадывался французский посол в Берлине Робер Кулондр, такой плохо продуманный английский шаг, как гарантии Польше, был подсказан отчасти личным чувством раздражения и разочарования, охватившим Чемберлена. В палате общин такие ораторы от оппозиции, как Ллойд Джордж, Арчибальд Синклер и Хью Дальтон, резко критиковали это решение правительства, заявляя, что оно может оказаться ловушкой, если Англия не заручится поддержкой Советского Союза.

18 марта между Англией, Францией и Советским Союзом фактически были начаты переговоры и с тех пор все время продолжались, однако никакие советские предложения не принимались и Чемберлен старался лишь добиться односторонних гарантий СССР для Румынии и других стран. 21 марта английское правительство, отклонив сначала более эффективный советский план, выступило с предложе-

нием, чтобы Англия, Франция, Польша и СССР опубликовали четырехстороннюю декларацию о взаимных консультациях; но это предложение было в свою очередь отклонено польским правительством, которое не хотело иметь никаких дел с Советским Союзом, опасаясь, по словам Бека, только «спровоцировать» этим Гитлера. Вместо этого он, как мы видели, вырвал у Чемберлена знаменитые английские «гарантии». Наконец, после еще нескольких столь же неконструктивных предложений англичан Советское правительство предложило 17 апреля заключить прямой англо-франко-советский военный союз. По этому договору три державы обязались бы оказывать друг другу всяческую помощь, включая и военную, в случае агрессии в Европе против любой из трех договаривающихся сторон, а также оказать аналогичную помощь всем восточноевропейским странам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с Советским Союзом. Но это «предложение, о котором мы даже не смели мечтать», как назвал его Кулондр, было снова отклонено английским правительством.

Только после этого Сталин, очевидно, решил, что в отношении внешнего мира Советскому Союзу нужна более гибкая политика. В своей речи на XVIII съезде партии 10 марта он выразил почти одинаковое недоверие и к «агрессивным государствам» (Германия, Италия, Япония), и к государствам, стоящим на позиции «невмешательства» (Англия и Франция), и предупредил советский народ, что надо соблюдать осторожность и не дать провокаторам войны, привыкшим загрэбать жар чужими руками, втянуть в конфликты Советский Союз. Несмотря ни на что, Литвинова сочли человеком, расположенным в пользу Англии и Франции и против Германии. Молотов, сменивший его на посту наркома иностранных дел, относился к обеим группам держав почти с одинаковым недоверием, и это было, пожалуй, неудивительно после всего того, что произошло в Испании, и особенно после Мюнхена.

Очевидно, однако, что, несмотря на большое недоверие, с которым СССР относился к Англии и Франции, эти три державы могли в то время сплотиться против Гитлера, если бы а) они поторопились заключить между собой не только союз, но и военную конвенцию, в которой было бы точно предусмотрено, что и как каждая страна будет делать в различных чрезвычайных обстоятельствах; и б) сумели разрешить такие щекотливые вопросы, как проход Красной Армии через польскую территорию. Но было совершенно ясно, что Чембер-

лен, хотя ему и хотелось вызвать «психологический шок» у Гитлера заключением «союза с Россией», явно не торопился пойти на прямое военное соглашение с СССР. Здесь нет необходимости подробно рассказывать о бесплодных переговорах между Англией и Советским Союзом летом 1939 г.; но насколько в действительности Чемберлен боялся связать себя с Советским Союзом взаимными, точными и определенными военными обязательствами, видно было из того, какую опереточную «военную миссию» он направил в Москву в самый последний момент, когда немцы уже вот-вот готовы были начать вторжение в Польшу. Миссию возглавлял какой-то престарелый адмирал, не имевший к тому же полномочий на подписание какого-либо соглашения. А отказ Чемберлена перед этим послать в Москву Идена или Галифакса тоже очень хорошо характеризует его позицию. Я был этим летом в Англии, и мне вполне было ясно, что происходит. Все, что рассказал потом об этом странном поведении английского правительства И. М. Майский в своей книге «Кто помогал Гитлеру», было правдой, которую трудно было опровергнуть. Даже проникшие в Англию и Францию слухи о секретных переговорах между Советским Союзом и Германией, которые будто бы происходили летом 1939 г., не заставили Чемберлена ускорить переговоры с Советским Союзом, чтобы добиться какого-то результата.

Можно было сомневаться в этих условиях, что русские по-настоящему верили в эффективность союза с Англией и Францией, и, может быть, показателен факт, что советская печать тем летом не раз упоминала о линии Зигфрида. И если в конце концов Советский Союз пошел на заключение пакта о ненападении с Германией, то причиной такого шага было отчасти и понимание того, что, если Гитлер ринется на Восток, Запад не пойдет дальше «странной войны», свидетелями которой мы как раз и стали во время германского вторжения в Польшу. В самом деле, разве не писал потом де Голль: «У Англии вряд ли были какие-нибудь сухопутные силы... Что касается Франции, то у нее была армия, не соответствовавшая ее внешней политике. Ее военная политика была в основном оборонительной. Если бы Германия, захватив Польшу, напала на Россию, то не было бы абсолютно никакой уверенности в том, что французская армия сможет чем-нибудь помочь России; она просто отсиживалась бы за линией Мажино».

У русских наверняка были такого рода соображения, а это как раз и объясняет, почему и советские руководители, и советский народ

смотрели на перспективу заключения союза с Францией и Англией без большого энтузиазма.

Но вернемся еще на какой-то момент к Чемберлену. В биографии этого деятеля, написанной Фейлингом, ясно говорится, что он никак не хотел союза с СССР, а в его окружении были люди, которые даже на этой поздней стадии продолжали надеяться на «умиротворение» Гитлера. Летом 1939 г. велись переговоры между Хадсоном и Вольтатом, а в конце июля с довольно-таки любопытной «миссией мира» в Германию отправился лорд Кемсли, который был принят Гитлером, беседовал с Розенбергом, назвав его потом «чарующей личностью», и Геббельсом, «очень умным и разносторонне образованным человеком», по его словам⁵.

Тем не менее, когда 1 сентября нацистские войска вторглись в Польшу, Чемберлену ничего не оставалось, как объявить войну Германии. Французское правительство без большой охоты последовало его примеру.

Нечего и говорить о том, какая буря негодования разразилась в английской и французской прессе, когда был подписан советско-германский пакт о ненападении. Раздавались вопли о «предательстве» и об «ударе ножом в спину». Но, пристально наблюдая за всеми маневрами Чемберлена этим летом, я не был так уж удивлен случившимся. Странно было, конечно, видеть, что крупнейшая в мире антифашистская держава подписала пакт с Гитлером; но я знал, что у русских не было другого выбора, и потому был убежден, что этот пакт так или иначе не будет долговечным. Помню, в то время я охарактеризовал его на страницах «Манчестер гардиан» как своего рода новый Тильзит.

Приехав в 1941 г. в Советский Союз, я спрашивал многих советских граждан, как они реагировали на советско-германский пакт; они все соглашались, что он был «неприятен», но что другого выхода не было. А французский корреспондент в Москве Жан Шампенуа говорил мне, что, по мнению многих русских, этот пакт воздал Англии и Франции по заслугам за все их грязные проделки, которые они годами творили в отношении Советского Союза.

Гораздо более спорной, однако, была советская линия, согласно которой война между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, была «империалистической войной». Французских коммунистов, например, это поставило в очень трудное положение. Для них, как и для несчетного множества других людей во Франции и в Англии, война против Гитлера была справедливой войной, и я сам

помню, с каким чувством облегчения я узнал, что Англия и Франция объявили войну нацистской Германии; наконец-то, думал я, шантажу Гитлера положен конец и ни Польше, никакому другому государству теперь не будет грозить новый «Мюнхен».

Германское вторжение в Польшу представляло собой вполне «современную» войну, первый настоящий блицкриг со всеми его жестокостями и зверствами. «Польская кампания» явилась демонстрацией огромного военного превосходства Германии. Это, вероятно, не могло не встревожить руководителей Советского Союза. В середине сентября, когда Красная Армия вступила в Западную Украину и Западную Белоруссию, для всех стало очевидным, что Советский Союз решил воспользоваться пактом с Германией не только для того, чтобы воссоединить украинские и белорусские земли, но и чтобы отодвинуть свои границы как можно дальше на запад. В общем это никак нельзя было назвать признаком того, что СССР очень верит в «дружбу» с Гитлером.

На Западе ничего не было сделано, чтобы помочь Польше. Но вступление Красной Армии на польскую территорию вызвало в западноевропейских странах большое возмущение. И надо сказать, что речь Молотова 31 октября, в которой он приветствовал исчезновение Польского государства, «этого уродливого детища Версальского договора»⁶, и заявил, что теперь не Германия, а Англия и Франция являются «странами-агрессорами», не поправила дело. Правда, левые круги в Англии и Франции считали, что все это не больше как дипломатическая хитрость, рассчитанная на то, чтобы не рассердить Германию, потому что в этот момент русские ничего так не опасались, как того, что гитлеровская Германия и западные державы могут пойти на мировую и заключить между собой какую-нибудь грязную сделку за счет Советского Союза. Молотов высмеял далее военные цели Англии и Франции; поскольку, сказал он, несмотря на все их «гарантии», они ничего не сделали для спасения Польши, они решили теперь объявить целью войны «уничтожение гитлеризма». «Получается, — продолжал он, — ...что-то вроде идеологической войны, напоминающей старые религиозные войны». Он осудил такого рода войну, поскольку любую идеологию, нравится она кому или нет, нельзя уничтожить силой. Англия и Франция прикрывают также войну флагом борьбы за «демократию», но о какой демократии может идти речь, если во Франции коммунистическую партию запрещают, а коммунистических депутатов арестовывают и бросают в тюрьмы?

Но даже в этой речи, произнесенной в момент, когда советско-германское мирное сосуществование находилось, можно сказать, в зените, Молотов также сказал:

«Наши отношения с Германией... улучшились коренным образом... Договор о ненападении обязывал нас к нейтралитету... Мы последовательно проводили эту линию... Наши войска вступили на территорию Польши только после того, как Польское государство распалось... Оставаться нейтральными к таким фактам мы, разумеется, не могли, так как в результате этих событий перед нами встали острые вопросы безопасности нашего государства, к тому же Советское правительство не могло не считаться с положением... населения Западной Украины и Западной Белоруссии, которое... оказалось брошенным на произвол судьбы».

О том, что уже тогда советские руководители не исключали возможности конфликта с Германией в недалеком будущем, свидетельствовала и их решимость исправить границу с Финляндией, проходившую всего приблизительно в 30 километрах к северо-западу от Ленинграда. Вначале Советское правительство попросило передвинуть эту границу лишь немного далее на север и предложило за это Финляндии территориальную компенсацию в других районах, но после двух месяцев бесплодных переговоров и имевшего место пограничного инцидента советские войска 30 ноября перешли границу и двинулись в глубь Карельского перешейка. Англия и Франция реагировали на эту советскую «агрессию» против «демократической Финляндии» очень бурно. Спустя немного времени они разыграли фарс исключения Советского Союза из Лиги наций. Все самые реакционные и профашистские элементы, какие только были в этих странах, стали открыто высказывать надежду на превращение войны против Германии в войну против Советского Союза. В «либеральных» и «антигитлеровских» кругах самую бредовую идею подал Ф. А. Войт, заявивший на страницах журнала «Найнтинс сенчури энд афтер», что в стратегических интересах Англии воевать и против Германии, и против России! Прошло немного времени, и правительства Англии и Франции, которые по-прежнему продолжали «странную войну» вдоль линии Мажино (настоящая война против Германии происходила только на море), начали отправлять в Финляндию оружие и «добровольцев».

Для меня — а я находился тогда во Франции — было совершенно ясно, что исправление границы к северу и северо-западу от Ленин-

града было жизненной необходимостью для Советского Союза ввиду возможности (и даже вероятности) нападения на него с этой стороны. Ленинград легко можно было подвергнуть обстрелу с финской границы. Вопрос осложнило создание Москвой «народного правительства Финляндии», которое обосновалось в г. Териоки. Это обстоятельство очень ухудшило дело, и когда я разговаривал с людьми и указывал на уязвимость Ленинграда, обычно слышал в ответ: «Что ж, может быть, насчет Ленинграда они и правы, но зачем они создали правительство в Териоках?» По-моему, это было большой ошибкой. По-видимому, то, что создание «правительства в Териоках» было ошибкой, вскоре признала и сама советская сторона, ибо когда после трехмесячных тяжелых боев, особенно на линии Маннергейма, Финляндия запросила мира, о «народном правительстве» уже никто больше в СССР не упоминал. По-моему, это было одним из самых крупных дипломатических просчетов Сталина.

Теперь в Советском Союзе признают — да это было очевидно и в то время, — что, как показала эта зимняя война, у Красной Армии было немало слабых мест. Именно после финской войны был проведен ряд очень важных мероприятий по реорганизации Красной Армии. Долгое время военные «эксперты» в Англии и Франции только и разглагольствовали на все лады о «слабости» Красной Армии, в то время как прогитлеровские элементы видели в финской войне хорошую возможность для того, чтобы «свернуть» войну с Германией и уговорить ее «повернуть на Восток». Поэтому, когда в начале марта Финляндия заключила мир с Советским Союзом, это явилось для всех таких людей в Англии и Франции большим разочарованием.

Говоря о «слабости» Красной Армии, западные комментаторы, конечно, сознательно ее преувеличивали. Прорыв линии Маннергейма (а обойти ее было нельзя) был при всех обстоятельствах делом очень нелегким; а сильные морозы и озерно-лесистая местность (причем СССР не хватало лыжных войск) создали дополнительные трудности. Но то, что в армии обнаружилось организационные неполадки, впоследствии признали сами советские военные.

В то время как отношения Советского Союза с Англией и Францией все обострялись, его отношения с Германией в течение всей советско-финской войны оставались внешне корректными. Гитлер и Риббентроп послали даже поздравления Сталину ко дню его 00-летия, 21 декабря 1939 г.; особенно «горячие чувства» изливал в своей телеграмме Риббентроп. Сталин поблагодарил их.

А потом, 9 апреля, немцы начали свое молниеносное вторжение и Данию и Норвегию. Хотя советская печать и ссылалась вначале на «нарушения Англией и Францией суверенитета Норвегии», эта новая гитлеровская агрессия встревожила Москву: война подходила слишком близко к советскому дому. В изданной после войны советской «Истории войны» сказано со ссылками на дипломатические документы, что Швеция избежала германской оккупации только благодаря советским демаршам⁷. В то же время русским было очевидно, что англичане и французы ведут военные действия в Норвегии совершенно недостаточными силами и как-то уж очень бестолково.

10 мая гитлеровские войска ринулись на Запад.

Как я уже указывал выше, в годы войны я многим в Советском Союзе задавал два таких вопроса: «Что вы думали о советско-германском пакте?» и «Когда пакт еще находился в силе, в какой момент вы начали серьезно сомневаться насчет его?»

На первый вопрос мне почти всегда отвечали примерно следующее: «Каждый, конечно, понимал, что тошно и неприятно делать вид, будто мы друзья с Гитлером; но уж такое положение сложилось в 1939 г., что нам любой ценой надо было выиграть время, а другого выбора у нас не было. Мы не думали, чтобы и самому Сталину очень нравилась эта идея, но мы глубоко верили в его правоту; если он решил заключить с Гитлером пакт о ненападении, значит, он наверняка знал, что другого выхода нет. И не забывайте также, что нам в то время грозила и японская агрессия; нам пришлось драться на Халхин-Голе как раз в то же время».

А ответ на второй вопрос неизменно следовал в таком приблизительно духе: «Мы начали действительно нервничать, когда увидели, что Гитлер сумел за какой-нибудь месяц, если не меньше, разгромить французскую армию. Мы питали довольно большое доверие к французской армии, и мы многое также слышали о линии Мажино, а потому — будем говорить прямо — рассчитывали, что война во Франции продлится долгое время и что в результате немцы будут сильно ослаблены. Эгоисты? Да, мы были эгоистами, а кто ими не был? О том, какое впечатление произвел разгром Франции, вы можете судить по той поспешности, с которой начали осуществляться мероприятия по укреплению обороноспособности СССР. Мы никогда не ожидали, что немцы так внезапно нападут на нас, а главное, что они сумеют захватить у нас такую огромную территорию, но мы чувствовали,

что должны готовиться к очень тяжелой борьбе, если Гитлер спятит с ума настолько, что полезет на нас».

Был также и дополнительный вопрос, который я задавал с интересом: «Между разгромом Франции и нападением Германии на Советский Союз происходила война между Германией и Англией — что вы о ней думали?» Тут ответы становились неопределенными, но в общем они сводились к следующему: «К Англии у нас относились совершенно по-разному. Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером. В наших газетах много писали о бомбардировках Лондона, Ковентри и других английских городов. И мы начали также сочувствовать английскому народу — начали думать, что рано или поздно нам тоже суждено будет испытать нечто подобное. Особенно болела за англичан наша интеллигенция. У многих уже тогда начала складываться мысль, что война Англии против Гитлера — это «справедливая война». Но потом, в мае, в Англию вдруг прилетел Гесс, и мы вновь стали смотреть на Англию с опаской и подозрением».

Здесь нет необходимости рассказывать о трагедии Франции 1940 г. Скажу только, что мне довелось быть во Франции в то время, после чего я описал эту трагедию в своей книге «Последние дни Парижа» («The Last Days of Paris»). Главное, что надо сказать об этой великой национальной катастрофе Франции, заключается вкратце в следующем. Глупая пропагандистская линия, которой придерживались правительство и пресса вплоть до 10 мая, когда гром грянул, заключалась в том, что Франция защищена-де линией Мажино, а потому немцы не посмеют напасть на Запад. Значительная часть буржуазии, чье мнение отражали всякие правые и профашистские политические деятели, надеялась, что вот-вот что-нибудь случится, что позволит Франции заключить мир с гитлеровской Германией. В Англии члены правительства Чемберлена, хотя и не считали возможным компромиссный мир с Германией, тоже лелеяли надежду, что Германия не нападет на Запад, Англия же тем временем будет продолжать бомбить Германию и «через два или три года» сумеет поставить ее на колени⁸. А когда 10 мая немцы все-таки обрушились на Запад, и особенно через несколько дней, когда они прорвались во Францию, заняли Седан и устремились к Ла-Маншу, вся Франция была совершенно ошеломлена и ее быстро охватили пораженческие

настроения. Миф о неприступности линии Мажино, которым все эти годы убаюкивали французский народ, вдруг рассыпался в прах.

Уже 16 мая в Париже началась паника и сотни тысяч людей бросились бежать на юг. Но вместо того чтобы двинуться на Париж, германские войска направили свой удар на Дюнкерк и на англо-французские силы, запертые в Бельгии. Вскоре Бельгия капитулировала, а потом пал Дюнкерк. Наибольшая часть английских войск сумела эвакуироваться, оставив Францию буквально в полном одиночестве сражаться с превосходящими силами немцев. За некоторыми заметными исключениями, моральное состояние французских войск, особенно офицеров, упало очень низко.

После Дюнкерка в стране усилились антианглийские настроения, поскольку Англия и раньше-то не послала во Францию достаточного количества своих войск, а теперь поспешно отвела и те, которые были. Скоро стало известно, что английское правительство решило также эвакуировать из Франции фактически всю свою авиацию, а это ясно говорило о том, что новый премьер Черчилль считает битву за Францию проигранной. В воцарившемся хаосе, когда все дороги были забиты машинами, я 11 июня выехал из Парижа вслед за правительством Рейно, которое днем раньше уже перебралось в Тур. В этой сумятице и неразберихе немецкая «пятая колонна» во Франции либо сами немцы предприняли любопытную «психологическую операцию»: они начали распространять слухи, будто «Россия объявила войну Германии», для того чтобы французы загорелись отчаянной надеждой, что, может быть, их страну спасут русские, а потом впали в еще большее уныние, когда узнали бы, что это неправда. Но характерно, с какой радостью французский народ ловил тогда эти слухи; это значит, что он тогда уже сознавал, что только вступление в войну Советского Союза может принести победу.

Было интересно изучать потом, какую реакцию война на Западе вызывала в Советском Союзе и как это отражалось в советской прессе; в самом деле, потребовалось немного времени, чтобы в Советском Союзе поняли, что французская армия, имевшая в глазах русских такую высокую репутацию, оказалась столь же неспособной противостоять немецкому блицкригу, как и польская армия. Потери немцев на Западе были незначительны. Если Франция потеряла 112 тысяч человек убитыми (не считая раненых и 2 миллионов, взятых немцами в плен), то германские потери составляли только 30 тысяч убитых.

Советско-германский пакт продолжал существовать. Но главным образом под неблагоприятным впечатлением, какое произвели на него решительные победы Германии на Западе, Советское правительство приняло ряд новых мер предосторожности, таких, как принятие суровых трудовых законов и включение в состав Советского Союза Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины.

Несомненно, что в Москве ощущалось некоторое беспокойство при мысли, что Англия может тоже капитулировать. В конце «французской кампании» советская печать многозначительно указывала, что, хотя Франция, очевидно, и потерпела поражение, исход войны еще отнюдь не решен, поскольку две сильные группировки держав (Германия и Италия с одной стороны и Англия, «которой помогают Соединенные Штаты Америки» — с другой) еще продолжают войну. Речи Черчилля, в которых он говорил, что Англия продолжает войну, советская печать публиковала с чувством явного удовлетворения, так же как и сообщения о налетах английской авиации на Германию, а немного позже — сообщения о разного рода помощи, которую Америка оказывает Англии.

Германская воздушная война против Англии, начавшаяся со всей серьезностью в начале сентября, несомненно, действовала на воображение советского народа. В свое время в советской печати лишь очень коротко сообщалось о бомбардировках германскими самолетами Польши и Голландии, Бельгии и Франции, однако о воздушных налетах на Лондон (а позднее на Ковентри и другие города) она стала рассказывать несколько более подробно. Особенно примечательным было появившееся 5 октября сообщение корреспондента ТАСС в Лондоне Эндрю Ротштейна, в котором он рассказывал о своем посещении одной из зенитных батарей в окрестностях Лондона. Из этого отчета очень хорошо было видно, что германская авиация стала наталкиваться на возросшее сопротивление англичан (в сообщениях печати говорилось, что за истекший месяц она понесла очень крупные потери в воздушных боях над Англией) и что для английского народа это была справедливая, народная война, в которой решительно и упорно дрались также и рабочие, включая коммунистов. Это сообщение, напечатанное в «Правде» и других газетах, произвело глубокое впечатление на советский народ, так же как и другие сообщения о воздушных налетах на Лондон. Как раз в те дни поэт Николай Тихонов написал стихотворение, которое было опубликовано позднее:

Сквозь ночь, и дождь, и ветер, щеки режущий,
Урок суровый на ходу уча,
Уходит лондонец в свое бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча.
В его кармане — холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим,
...Мы свой урок еще на картах учим,
Но снится нам экзамен по ночам⁹.

Это стихотворение отражало нараставшее у советских людей предчувствие, что избежать войны с нацистской Германией, пожалуй, не удастся: «Снится нам экзамен по ночам...» Во многих мемуарах, написанных после войны, как, например, в воспоминаниях адмирала Н. Г. Кузнецова (Октябрь. 1965...№ 9, 11), говорится, что многие советские военные руководители, особенно к концу 1940 г., пришли к убеждению, что нападение Германии на Советский Союз стало неизбежным. Кузнецов доказывает, что немцы не попытались в 1940 г. вторгнуться в Англию потому, что у них не было достаточно сильного флота. Несомненно также, что Гитлер не решался начать генеральную атаку на Англию, покуда на востоке, у него в тылу, находился могущественный Советский Союз.

Визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., конечно, еще больше обострил в советских людях сознание грозящей со стороны Германии опасности. Хотя Молотов (дважды встречавшийся с Гитлером) говорил с ним главным образом о том, что беспокоило Советский Союз больше всего, — о проникновении Германии в Румынию и на Балканы, об отправке германских войск в Финляндию и пр. — Гитлер в ответ делал ему нелепые предложения насчет присоединения СССР к «тройственному пакту» Германии, Италии и Японии, чтобы он мог потом принять участие в разделе Британской империи и распространить сферу своего влияния в направлении Персидского залива и Индийского океана. Советский представитель осторожно замечал на это, что Англия еще не проиграла войну, а потом не выдержал и сказал Риббентропу в бомбоубежище, куда их загнал очередной налет англичан: «Если вы так уверены, что с Англией покончено, то почему мы сейчас сидим в этом бомбоубежище?»

Хотя Гитлер еще в июле 1940 г. приказал готовить планы вторжения в Советский Союз, окончательное решение начать «операцию Барбаросса» было принято им лишь 18 декабря 1940 г.

Англия тем временем зашла в своего рода тупик. Воздушные бои над Британскими островами в сентябре она выиграла, и немцы, не сумев уничтожить английскую авиацию, сочли, что главное предварительное условие для попытки вторжения осталось невыполненным. Бомбардировки Лондона и других городов, последовавшие за воздушными боями в сентябре, причинили серьезные разрушения и довольно большие человеческие жертвы, но английская промышленность пострадала мало и даже людские потери Англии были невелики по сравнению с теми, что были нанесены бомбовыми рейдами англо-американцев на германские города в позднейший период войны. В Дрездене в 1945 г. за одну ночь было убито 135 тысяч человек. Максимальное число убитых в Лондоне даже во время сильнейших налетов никогда не превышало 2 тысяч за одну ночь. Для города с 8-миллионным населением это было «терпимо». Бомбардировки такого масштаба не могли серьезно подорвать моральное состояние гражданского населения. На море Англия тоже несла хотя и серьезные, но не катастрофические потери, и положение с продовольствием, хоть и не столь уж хорошее, никогда не доходило до отчаянного.

Но на вопрос, как выиграть войну, Англии было по-прежнему очень трудно ответить. Налеты германской авиации возбудили патриотические чувства в английском народе, и дух национального сопротивления был очень высок. Старые мюнхенцы притихли, а Черчилль своим красноречием хорошо передавал подлинные настроения английского народа. Данная им Гитлеру характеристика, «кровожадный подонок», точно соответствовала мнению английского народа о бесноватом «фюрере». Но все-таки как же выиграть эту войну? Помню мою интересную беседу с генералом де Голлем, лидером «свободных французов» в Лондоне, в январе 1941 г. Он развивал свои доводы так: «Англичане воображают, что если они будут все сильнее и сильнее бомбить Германию, они в конце концов ее победят. Но это очень маловероятно. Немцы умеют играть в эту игру тоже. Надо что-то совсем другое. Сейчас мы — Англия, и «Свободная Франция» — в тупике. Но так продолжаться не может. Поверьте, мы с вами только в начале очень большой войны».

И он намекнул мне, что и США, и Советский Союз рано или поздно будут втянуты в эту войну и что это-то и будет иметь решающее значение.

Глава III. Советский Союз в последние дни мира

*Москва. Стадион «Динамо», Просмотр футбольного матча
между ЦСК и «Динамо»*

В Советском Союзе трагический 1941 год начался в атмосфере официального оптимизма. Новый год был отпразднован весело: устраивались грандиозные новогодние праздники для детей; в миллионах домов люди, встречая Новый год, обменивались поздравлениями и лучшими пожеланиями. Пресса подчеркивала, что у Советского Союза есть все основания быть довольным минувшим 1940 годом, что в дело обучения и воспитания личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота внесены коренные улучшения. Писалось, что, вступая в четвертый год третьей пятилетки, «советский народ смотрит в будущее радостно и уверенно». Через несколько дней было опубликовано сообщение о заключении нового советско-германского торгового соглашения «на период от 11 февраля 1941 года по 1 августа 1942 года». Но уже через три дня после этого стало ясно,

что не все идет хорошо: было сообщено, что немцы начали перебрасывать свои войска в Болгарию, и ТАСС категорически отрицал, что это будто бы происходит «с ведома и согласия СССР»; наоборот, заявлялось, что это делается «без ведома и согласия СССР»¹⁰.

Газеты поместили подробный отчет о речи Гитлера 30 января, в которой он предрекал новые победы над англичанами и заявлял, что Соединенные Штаты, помогая Англии, только «тратят даром время». Но, что больше всего поразило русских, в речи не было никакого упоминания о Советском Союзе. Более того, в конце речи стояла такая маленькая, но зловещая фраза: «Я учел всякую возможность, какая только мыслима».

В Советском Союзе все больше и больше стали уделять внимания военной и профессиональной подготовке, дальнейшему укреплению трудовой дисциплины, подготовке кадров промышленных рабочих в школах ФЗУ, насчитывавших 600 тысяч учащихся, и других трудовых резервов. Слова «мобилизационная готовность» вновь и вновь повторялись в устной пропаганде и в печати. В День Красной Армии, 23 февраля, «Правда» опубликовала статью генерала Г. К. Жукова (незадолго до того вступившего на пост начальника Генерального штаба), пожалуй, менее оптимистичную, чем его речь два месяца назад. Он писал, что 1940 год был годом перелома, «перестройки системы обучения и воспитания войск», но давал понять, что реорганизация продолжается и что положение дел еще далеко от совершенства. Со времени финской войны, отмечал он, в армии уже произошли большие перемены, например «укреплено единоначалие», но многое еще остается сделать и «заснаваться и успокаиваться на достигнутом» не надо. Статья выдавала некоторое чувство беспокойства и наталкивала на вывод, что происходящие в Красной Армии «большие перемены» вряд ли будут завершены до 1942 г.

Росло беспокойство и у других военных и военно-морских командиров, как это мы знаем теперь, например, из воспоминаний адмирала Н. Г. Кузнецова «Перед войной». 25 февраля Гитлер выступил с новой речью, в которой опять предсказывал новые крупные победы над Англией и опять ничего не упоминал о Советском Союзе. 3 марта Вышинский заявил, что Советское правительство «не может разделить мнения» болгарского правительства, что ввод в Болгарию германских войск «преследует мирные цели на Балканах». Напротив, сказал он, эта мера, по мнению СССР, «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны», вследствие чего Советское

правительство не может «оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики».

Германские войска стояли теперь в Венгрии, Болгарии и Румынии. Но в Белграде 27 марта вспыхнуло народное восстание против превращения Югославии в германского сателлита при потворстве ее правителей. Группа офицеров во главе с генералом Симовичем организовала переворот. Это произошло через два дня после того, как премьер Цветкович со своим министром иностранных дел с благословения регента, принца Павла, подписали в Вене соглашение о присоединении Югославии к тройственному пакту между Германией, Италией и Японией. Переворот Симовича вызвал огромный энтузиазм среди сербских народных масс и ярость Гитлера.

Стремясь остановить надвигающуюся угрозу немецкой агрессии на Балканах и, вероятно, еще не зная о том, что Гитлер решил вторгнуться в Югославию, Советское правительство поспешило заключить договор о дружбе и ненападении с новым югославским правительством. Характерно, однако, что оно не предложило Югославии пакт о взаимопомощи, который обязал бы СССР предпринять немедленные военные действия в случае германского нападения.

Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией был торжественно подписан в Москве 5 апреля 1941 года. А меньше чем через двадцать четыре часа немцы ворвались в Югославию, и их авиация сбросила тысячи бомб на беззащитный Белград. 7 апреля «Правда» на последней странице напечатала сообщение ТАСС из Берлина о том, что Германия объявила войну Югославии и Греции и что германские войска начали военные операции против обеих этих стран. Про массированную бомбардировку Белграда — мечь Гитлера на «неслыханное оскорбление», какому он подвергся, — советские газеты умолчали, хотя, как выяснится со временем, героическое восстание и трагическое сопротивление югославов, по счастью, на несколько недель отсрочили германское нападение на СССР.

Немецкая оккупация Югославии не встретила никакой официальной реакции в Советском Союзе. Все, чем ограничился Наркомат иностранных дел в ближайшие несколько дней, — это поручил Вышинскому сообщить венгерскому посланнику, что «Советское правительство не может одобрить» того, что «Венгрия начала войну против Югославии».

11 апреля в советской печати появился отчет о речи Черчилля, в которой он сказал, что за последние несколько месяцев немцы

сосредоточили крупные танковые и другие войска в Болгарии, Венгрии и Румынии. Но пресса воздержалась от каких-либо комментариев и в ближайшие несколько недель продолжала сообщать в стандартной и «объективной» манере об успехах немецких войск в Югославии, Греции и на Крите.

Трагическая судьба Югославии, сосредоточение немецко-фашистских войск в странах Юго-Восточной Европы, сопредельных с СССР, — все это были слишком явные признаки приближения военной бури к советскому дому. Схватка с Гитлером казалась теперь неизбежной.

В советских романах и кинофильмах, выпущенных как во время, так и после войны, сообщение о германском вторжении 22 июня 1941 г. часто представляется как совершенная неожиданность. «Жизнь была такой мирной и счастливой, мы собирались поехать в отпуск, и вдруг в этот солнечный воскресный день...»

Как ни странно, именно так и было с очень многими простыми советскими гражданами, которые были уверены, что Гитлер никогда не осмелится напасть на СССР. Другие, более умудренные опытом реагировали подобно герою романа Симонова «Живые и мертвые»: «Казалось бы, все давно ждали войны, и все-таки в последнюю минуту она обрушилась как снег на голову; очевидно, вполне приготовить себя заранее к такому огромному несчастью вообще невозможно». Но политически мыслящие люди в Советском Союзе с некоторых пор уже должны были знать, что опасность войны огромна.

Вот уже несколько месяцев, как Кремль получал на этот счет особые и серьезные предупреждения. В начале февраля, после своего визита в Анкару, Стаффорд Криппс сообщил советскому Комиссариату иностранных дел, что немцы готовятся вторгнуться на Балканы и что в «недалеком будущем» они планируют также нападение на Советский Союз. Примерно в это же время Самнер Уэллес передал аналогичную информацию советскому послу в Вашингтоне Константину Уманскому. В апреле последовало знаменитое послание Черчилля Сталину. Эти предупреждения воспринимались с подозрительностью, как «не беспристрастные»; несомненно, советские руководители опасались, что англичане и американцы стремятся втравить русских в войну и превратить их в «английскую пехоту». Однако в послевоенной советской «Истории войны» утверждается, что и советская разведка в Польше, Чехословакии и даже в Германии давала правительству обширную информацию о происходящем.

Как бы то ни было, можно наверняка сказать, что Сталин и Молотов оба полностью сознавали угрозу нападения Германии, но все еще надеялись, что они могут отсрочить роковой час — по крайней мере до осени, когда немцы, быть может, не решатся напасть; а потом, к 1942 г., СССР сможет лучше подготовиться к войне.

Договор, заключенный СССР с Югославией, не напугал и не остановил Гитлера. Правда, перед этим был проведен ряд маленьких и subtilных «антигерманских» демонстраций — кое-какие булавочные уколы в прессе, как мы видели, и еще несколько небольших демонстраций, таких, как присуждение в марте 1941 г. Сталинской премии яро антинемецкому фильму Эйзенштейна «Александр Невский», а также некоторым другим произведениям, выдержанным в определенно патриотическом духе и направленным против захватчиков, таким, как роман Алексея Толстого «Петр Первый», оратория Шапорина «На поле Куликовом» и роман Сергеева-Ценского об обороне Севастополя. Что касается закулисных разговоров, то в конце марта заместитель председателя Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильский заявил, что, по его мнению, «войны с нацистской Германией теперь вряд ли избежать». Эти его слова обошли всю Москву. Больше того, в марте группа советских офицеров из окружения маршала С. К. Тимошенко пригласила на вечер английского военного атташе. Разговоры велись сдержанно и осторожно, пока атмосфера не потеплела, и дело кончилось тем, что некоторые советские командиры стали пить за «победу над нашим общим врагом». Они не скрывали своей глубокой озабоченности общей обстановкой и особенно положением на Балканах¹¹.

Официально, конечно, советские власти не выражали никакого беспокойства. После подписания советско-югославского договора югославский посланник в Москве Гаврилович (как он мне сам потом об этом рассказывал) спросил у Сталина: «А что будет, если немцы повернут против вас?» На что Сталин ответил: «Что ж, пусть попробуют!»

13 апреля — в день падения Белграда — был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Это была сомнительная гарантия, но, все же какая-то гарантия, которой русские заручились перед лицом растущей германской угрозы. Все в Москве были поражены тем, как исключительно любезен был Сталин с Мацуокой, японским министром иностранных дел, который приехал из Берлина в Москву для подписания пакта.

Сталин даже совершил такой беспрецедентный жест, что лично явился на вокзал проводить Мацуоку. На перроне он обнял его и ска-

зал: «Ведь мы тоже азиаты, а азиаты привыкли держаться вместе!» Заручиться в этих условиях нейтралитетом Японии, взять с Японии обязательство не нападать на СССР независимо от каких-либо обязательств, подписанных ею с «третьими сторонами», было действительно немалым достижением. Пока Япония будет верна своему слову, Советскому Союзу не будет грозить война на два фронта в случае нападения Германии. Сталин был в необычно веселом настроении во время этих проводов и, расхаживая под руку с Мацуокой по перрону, даже обменивался рукопожатиями с железнодорожными служащими и пассажирами, которые случайно попадались ему навстречу.

Правда, он также обхватил рукой за шею и германского военного атташе полковника фон Кребса, который тоже пришел проводить Мацуоку, сказав: «Мы и с вами тоже останемся друзьями, не правда ли?» Но что для Сталина было важнее всего в этот день, так это пакт с Японией. В отношении немцев Сталин больших иллюзий не питал. Характерно, что в конце апреля он позвонил Илье Эренбургу и сказал, что его антинацистский роман «Падение Парижа» теперь можно будет опубликовать. (Эренбург по этому телефонному звонку заключил, что война с Германией стала теперь, по мнению Сталина, неизбежной.)

В день Первого мая состоялся весьма внушительный парад на Красной площади, в котором участвовали моторизованные части, много новых танков KB и Т-34, сотни самолетов. В Москве ходили слухи, что все эти войска прямо из Москвы пойдут в Минск, Ленинград и на польскую границу. Посол граф Шуленбург записал 2 мая, что в Москве сгущается напряженная атмосфера и что слухи о предстоящей советско-германской войне становятся все более настойчивыми. В этот день Гитлер выступил с речью о войне на Балканах; как и в двух предыдущих речах, он опять ничего не сказал о Советском Союзе.

5 мая в Кремле был устроен прием для сотен молодых офицеров, выпускников военных академий. На приеме выступил с речью Сталин. Официально об этой речи ничего не сообщалось сверх того, что на следующий день было напечатано в «Правде». Статья в «Правде» была озаглавлена: «Торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии». В ней было написано:

«Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие изменения, происшедшие за последние годы в Красной Армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия пере-

строилась организационно и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, окончивших военные академии, и пожелал им успеха в работе. Речь товарища Сталина, продолжавшаяся около 40 минут, была выслушана с исключительным вниманием».

Ясно, что за 40 минут он сказал гораздо больше, чем только это.

Указом Президиума Верховного Совета от 6 мая 1941 г. Сталин, бывший до тех пор «только» Генеральным секретарем ЦК партии, был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров, то есть главой Советского правительства. Молотов стал заместителем Председателя СНК, оставаясь в то же время наркомом иностранных дел.

Широкая публика, естественно, увидела сигнал опасности в этом назначении Сталина главой правительства; ведь если бы условия были более нормальные, этого не произошло бы. Одним из тех, на кого эти перемены в правительстве произвели наибольшее впечатление, был германский посол граф Шуленбург, который в ряде своих депеш в Берлин утверждал, что Сталин решительно против всякого конфликта с Германией. Но в Берлине не очень-то прислушивались к его рекомендациям проводить умеренную политику; Гитлер уже давно решил напасть на СССР, и его мало интересовало, что думал или что советовал делать Шуленбург, сторонник традиционной бисмарковской «Ostpolitik» («восточной политики»).

В ближайшие после этого несколько недель мы были свидетелями ряда таких странных на первый взгляд шагов Советского правительства, как закрытие посольств и миссий стран, которые были теперь оккупированы немцами, таких, как Бельгия, Греция и Югославия, что означало признание — если не де-юре, то де-факто — их захвата Германией. С другой стороны, в мае 1941 г. было официально признано недолговечное антианглийское правительство Рашида Али в Ираке — стране, с которой Советский Союз не имел ранее дипломатических отношений.

В довершение всего военным властям в пограничных и других районах были вновь даны строжайшие указания ни в коем случае не сбивать немецкие самолеты, совершавшие многочисленные разведывательные полеты над советской территорией.

Также в мае, через несколько дней после назначения Сталина главой правительства, Москва была озадачена и встревожена сенсационной новостью о полете Гесса в Англию. 12 мая ТАСС сообщал из Берлина, что, по словам немцев, Гесс «сошел с ума»; но в телеграммах ТАСС из Лондона об этом ничего не говорилось, и сразу же

возникло подозрение о готовящейся англо-германской сделке — за счет русских, разумеется.

Однако советская печать очень мало писала про Гесса и этот его шаг. Это была щекотливая тема в момент, когда все внимание надо было уделять состоянию отношений с нацистской Германией. Все делалось, чтобы не раздражать Гитлера. В частности, полным ходом продолжались поставки нефти и других дефицитных товаров Германии, тогда как последняя не торопилась с отправкой в СССР промышленного оборудования в соответствии с соглашением.

В то время как Шуленбург продолжал сохранять дружественный тон в своих беседах с Молотовым, германское правительство ровно никак не отвечало на дружественные экономические и дипломатические жесты советских властей. Представляется поэтому, что не иначе как с целью зондажа Сталин — точно за неделю до германского вторжения — решил опубликовать знаменитое сообщение ТАСС от 14 июня — документ, которому суждено будет занять видное место во всех советских трудах по истории войны. Вот текст этого знаменитого сообщения ТАСС:

«Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз в свою очередь стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает ус-

ловия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Советская «История войны», критикуя Сталина за это сообщение ТАСС, конечно, вполне права, когда заявляет, что в этот день было уже слишком поздно «прощупывать» намерения Германии; но, с другой стороны, она, как мне кажется, преувеличивает усыпляющее действие этого сообщения ТАСС на советский народ.

Советские люди к тому времени уже достаточно привыкли читать правительственные сообщения между строк, чтобы не увидеть косвенного намека в такой фразе: «переброска германских войск... связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Очень многие русские, которых это сообщение ТАСС далеко не успокоило, следующие несколько дней с тревогой ожидали, какова будет «реакция» на него Берлина. По словам бывшего румынского посланника в Москве Гафенку, тысячи людей сидели в эти дни за своими радиоприемниками, ожидая новостей из Берлина. Но они так ничего и не услышали. Германское правительство никак не ответило на это сообщение ТАСС и даже не опубликовало его. Когда вечером 21 июня Молотов вызвал к себе Шуленбурга, было уже слишком поздно.

Шуленбург, видимо, ничего не зная о планах Гитлера, не мог дать никакого ответа на тревожные вопросы Молотова о «причинах недовольства Германии», а когда он возвратился в посольство, там его ждали уже инструкции Риббентропа — посетить Молотова и, «не

вступая с ним ни в какие дискуссии», зачитать ему переданный с этой же телеграммой документ, набор обычных для Гитлера грубых ругательств, который был фактически объявлением войны. С болью в душе посол направился, когда уже забрезжил рассвет, обратно в Кремль и зачитал документ Молотову. По словам Шуленбурга, Молотов молча выслушал его, а потом сказал с горечью: «Это война. Как вы думаете, неужели мы этого заслужили?»

Вопрос, почему Сталин дал «застигнуть себя врасплох», остается темой продолжающихся споров в советской исторической литературе последнего времени. Одни советские авторы выдвигают теорию, что Сталин питал столь патологическую подозрительность к Англии и Америке, что любую исходившую от них информацию неизбежно рассматривал как «провокацию», как попытку втянуть Советский Союз в войну с Германией. Я думаю, что это слишком упрощенное объяснение. Помимо «подозрительных» сообщений из Англии и Америки, у Сталина были собственные источники информации. Но он надеялся чуть не до самого последнего момента, что ему удастся предотвратить столкновение, если он не будет давать немцам абсолютно никакого повода для нападения. Как я сказал выше, сообщение ТАСС от 14 июня он опубликовал, видимо, с целью зондажа, все еще надеясь получить какой-то ясный ответ от Германии. Сталин, очевидно, знал, что Германия нападет, но он надеялся «дипломатическими» средствами отсрочить его хотя бы на несколько недель. Кстати, 1 августа Гитлеру было бы уже слишком поздно начинать решающую кампанию 1941 года.

Хочется добавить здесь несколько слов о моем собственном отношении к тому, что произошло. На страшно переполненном судне для «беженцев» я вернулся из Бордо в Англию 22 июня 1940 г., то есть ровно за год до нападения Гитлера на Советский Союз.

Весь этот год я провел в Лондоне, отдежурив около 50 ночей в пожарной охране, когда мне не раз приходилось тушить зажигательные бомбы на крыше здания редакции газеты «Манчестер гардиан» на Флит-стрит в Лондоне. Это был мой скромный вклад в оборону Англии. Должен сказать, что в то время общая атмосфера в Англии, которая с июня 1940 по июнь 1941 г. боролась с Гитлером один на один, была какая-то приподнятая.

Английский народ был настроен бодро и воинственно, и не наблюдалось ничего похожего на «пораженчество». Если, как указывал потом де Голль, в Англии и были кое-какие кандидаты на роль лава-

лей и петенов, они всю эту осень и зиму вели себя очень тихо. После того как англичане одержали победу в крупных воздушных боях августа — сентября 1940 г., в этой «битве за Англию», когда Гитлер не сумел побороть и сломить английские военно-воздушные силы, в них родилось большое чувство национальной гордости и веры в свои силы, подорвать которое не смогли никакие бомбардировки Лондона; наоборот, эти налеты на Лондон только разожгли в англичанах еще большую злость против гитлеровцев¹². Я был настолько поглощен всей этой борьбой Англии против Гитлера, что в течение нескольких месяцев вообще мало думал о том, что творится во внешнем мире. В начале 1941 г. стало ясно, что США будут оказывать Англии все большую помощь, и это тоже хорошо повлияло на моральное состояние англичан.

То, что Гитлер начинал все больше действовать на нервы Советскому Союзу, можно было хорошо видеть по многим признакам, о которых я говорил выше. Отчетливо было видно также, что Черчилль не считает Советский Союз «союзником Гитлера», как его называли обычно антисоветские газеты. После падения Франции он направил послом в Москву Стаффорда Криппса. И хотя к тому времени ничего определенного об этом еще не было слышно, тем не менее усиливалось впечатление, что «дружба» между Советским Союзом и Германией не очень-то велика и прочна. А потом появился ряд интересных сообщений, исходивших главным образом от американских корреспондентов в Берлине, о том, что визит туда Молотова в ноябре проходил в очень напряженной атмосфере.

Еще позднее, в начале 1941 г., стало ясно, что Советский Союз очень сильно встревожен германским проникновением на Балканы, и заключение договора о дружбе между СССР и Югославией произвело огромное впечатление на всех.

Слухи о готовящемся германском нападении на Советский Союз начали широко распространяться примерно с апреля 1941 г.

Несмотря на «умиротворительные» жесты Сталина, продолжали поступать все более авторитетные сообщения о том, что немцы собираются напасть на Советский Союз. Помню, 20 июня я беседовал с членом английского правительства Р. А. Батлером, который категорически мне заявил, что 22 июня германские войска вторгнутся в Советский Союз. Здесь я должен сознаться, что как журналист допустил тогда ошибку. Я был дипломатическим корреспондентом «Санди таймс» и вечером 21 июня оказался перед трудной дилем-

мой. Должен ли я написать: «Вторжение неминуемо»? Я воздержался по очень простой причине.

В отличие от чуть ли не всех англичан, которые считали, что, если Гитлер нападет на СССР, он быстро и легко одержит над ним победу, я был убежден, что, если Гитлер решится на это, он проиграет войну, а я все еще сомневался, сошел ли уже Гитлер с ума в такой степени, чтобы пойти на этот отчаянный риск. Поэтому в конце концов, хотя я и написал для своей газеты, что Гитлер, возможно, нападет на Россию (поскольку было уже такое множество доказательств, что он это сделает), я все же указал, что шансов на это половина на половину, поскольку такой шаг был бы чреват для Германии огромной опасностью. Я оказался неправ. Но в конечном счете мой «журналистский инстинкт» меня не обманул... Были в то время в Англии люди — правда, их было очень немного, — которые с самого начала считали, что Гитлер потерпит поражение (к ним относились, например, Бернард Шоу и историк Бернард Пэре).

Но официальные военные эксперты предполагали, что Гитлер выиграет эту войну за несколько недель или месяцев. Мне с самого начала было ясно, что советский народ ведет народную, отечественную войну, и я соглашался с Пэрсом, что она имеет много общего с войной 1812 г., что это такая же Великая Отечественная война...

После визита к сохранявшему сдержанный оптимизм И. М. Майскому (у которого я часто бывал эти последние два-три года и который теперь собственноручно подписал мою визу) я 2 июля вылетел из Лондона через Архангельск в Москву.

И хотя некоторые говорили мне: «Будем надеяться, что ты попадешь в Москву раньше Гитлера», я вылетел туда в общем-то в бодром и оптимистическом настроении, полный желания узнать неизведанное. 4 июля я был в Москве. Гитлера там не было, и я все время, что там провел, ни разу не сомневался, что ему туда так и не попасть. Но в тот момент я, возможно, еще недооценивал, с какими огромными трудностями Советскому Союзу придется столкнуться в этом роковом 1941 году.

Часть вторая.

ОТ НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ ДО БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Глава I. Неподготовленность СССР к войне в июне 1941 г.

*Техника советской танковой колонны, разбитая
на проселочной дороге. Июнь 1941 года*

Рано утром 22 июня 1941 г. немцы приступили к выполнению «плана Барбаросса», над которым Гитлер и его генералы работали предшествующие полгода. А русские недостаточно подготовились к отражению их нападения. Немецкое наступление, начатое в трех направлениях (на Ленинград на севере, Москву в центре и Украину и Кавказ на юге) и ставившее конечной целью занять

в короткий срок фактически всю территорию европейской части СССР вплоть до линии от Архангельска до Астрахани, потом провалилось. Но первые недели — по существу, первые три с половиной месяца войны — были для русских почти полной катастрофой. Основные силы советской авиации были уничтожены в первые же дни; были потеряны тысячи танков; сотни тысяч, а может быть, и миллион советских солдат попали в плен в результате ряда операций по окружению, осуществленных немцами за первые две недели войны; и ко второй неделе июля некоторые германские генералы уже считали войну фактически выигранной.

Почему это оказалось возможным? Согласно объяснению, данному Сталиным (которое много лет потом оставалось официальной версией), эти первоначальные неудачи были вызваны тем, что немцам в огромной степени помог элемент внезапности. Правда, впоследствии Сталин сам признал, что со стороны СССР были допущены «некоторые ошибки», но вначале об этих ошибках не упоминалось, и единственным объяснением, которое приводилось в июле, были «внезапность и вероломство» германского нападения.

Это объяснение не вполне удовлетворило советский народ в то время: многие годы ему столько говорили о колоссальной мощи Красной Армии, что безостановочное, неодолимое продвижение немцев, сумевших за первые три недели войны дойти до Смоленска, окрестностей Киева и подступов к Ленинграду, явилось для него страшным ударом. Многие задавались мучительным вопросом, как это могло случиться. Однако перед лицом страшной угрозы, нависшей над Советским Союзом, было не до анализа причин случившегося. Некоторые, правда, потихоньку ворчали, но как бы там плохо ни было и какие бы ошибки ни были совершены, единственное, что оставалось, — это сражаться с захватчиками. Очень скоро в сознание советских людей глубоко проникла идея Великой Отечественной войны, борьбы не на жизнь, а на смерть. Слова об «Отечественной войне», прозвучавшие в знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля, произвели на всех такое глубокое впечатление именно потому, что они отразили мысли, которые в тех трагических обстоятельствах народным массам хотелось услышать в четкой и ясной формулировке. Потрясенная и ошеломленная страна получила наконец конкретную программу действий.

Это не меняет того факта, что вначале СССР оказался совершенно не подготовленным к отражению германского нападения.

При жизни Сталина не делалось серьезных попыток вскрыть и проанализировать многочисленные коренные и ближайшие причины военных неудач 1941 г., и фактически только после XX съезда КПСС в 1956 г. советские военные историки принялись объяснять, что же произошло в действительности.

Объяснения поражений 1941 г. многочисленны и затрагивают очень широкий круг вопросов. Из главных коренных причин одни являются историческими (например, чистки 1937 г. в Красной Армии), другие — психологическими (постоянная пропаганда тезиса о непобедимости Красной Армии), третьи — профессиональными (отсутствие у Красной Армии настоящего опыта ведения войны по сравнению с немцами и во многих случаях низкий уровень боевой подготовки) и, наконец, четвертые — экономическими (несмотря на передышку, предоставленную советско-германским пактом, советская военная промышленность не сумела превратить Красную Армию в хорошо оснащенную современную армию).

Одним из важнейших русских изданий последнего времени является труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945», первый том которого вышел из печати в 1960 г. Этот труд с подкупающей откровенностью объясняет многие печальные события 1941 г. В частности, в нем довольно подробно анализируется плохая психологическая подготовка к будущей войне и Красной Армии, и советского народа в целом.

Так, 1-й том обращает особое внимание на тенденцию принимать желаемое за действительное, пронизывавшую пресловутый проект Полевого устава 1939 г.

Советская «История войны» резко критикует этот документ, как и другие военно-теоретические пособия, ходившие в Красной Армии до 1941 г.

«В принципе, — говорится там, — эти положения были правильными... Однако... указания проекта Полевого устава воспринимались слишком прямолинейно, догматически... Недооценивалась возможность вторжения вражеских войск на... советскую землю»¹³, Советская теория стратегии отрицала эффективность «молниеносной войны», отвергая ее как однобокую буржуазную теорию. Советская военная теория базировалась в большой степени на принципе, что всякое нападение на Советский Союз завершится полным разгромом врага на его собственной территории.

Таким образом, советская военная теория делала весь упор на наступление, а неспособность Польши и Франции отразить нападение немцев слишком легко объяснялась: а) отсутствием организованного сопротивления и б) подрывной деятельностью «пятой колонны» во Франции и неоднородным национальным составом армии в Польше.

«Советская стратегия признавала оборону необходимым видом вооруженной борьбы, но подчеркивала ее подчиненную роль по отношению к наступлению. При этом вопросы обороны наша теория разрабатывала неполно. Она считала оборону возможной и необходимой на отдельных направлениях, но не на всем стратегическом фронте. В принципе стратегия считала возможным вынужденный отход, но только на отдельных участках фронта и как временное явление, связанное с подготовкой наступления. Не разрабатывался вопрос о выводе крупных сил из-под угрозы окружения...»¹⁴

В «Истории войны» содержится ссылка на еще один важный момент, а именно «отрицательное влияние», которое оказывал на развитие советской военной науки культ личности Сталина.

«Культ личности вел к догматизму и начетничеству, сковывавшим инициативу военных исследователей. Он вынуждал ждать указаний одного человека, искать подтверждения теоретических положений не в самой жизни и практике, а в готовых формулах и цитатах... Отсутствовало такое решающее условие успеха научного творчества, каким является широкое обсуждение вопросов военной теории»¹⁵.

Имелись и другие недостатки. Красная Армия обладала очень небольшим опытом ведения современной войны. Ее единственным большим опытом была гражданская война 1918–1920 гг., но она была очень мало похожа на современную войну. Правда, после этого была война в Испании, в которой русские принимали некоторое участие, но, как говорится в «Истории войны»:

«Своеобразный и ограниченный характер боевых действий в Испании был истолкован односторонне. Например, из опыта этой войны пришли к выводу о нецелесообразности существования крупных бронетанковых соединений, родиной которых являлась наша страна. На основе этого ошибочного вывода в 1939 г. были расформированы механизированные корпуса, которые в дальнейшем пришлось воссоздать уже непосредственно накануне Отечественной войны»¹⁶.

В 1938–1939 гг. велись также успешные бои против японцев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, но они тоже не были похожи на боль-

шую войну, начавшуюся в 1941 г. Кое-какие горькие уроки были, правда, извлечены из зимней войны в Финляндии, но их не успели достаточно широко претворить в практику. Что же касается вторжения немцев в Польшу и во Францию, то в Красной Армии существовала безответственная тенденция воображать, будто «у нас этого не может произойти» — по крайней мере на широком фронте.

Этот безответственный оптимизм и тенденция принимать желаемое за действительное нашли свое полное отражение в политико-воспитательной работе в Красной Армии в 1940 — 1941 гг. «История войны» сейчас признает, что в этой области был допущен ряд ошибок, особенно в вопросах, касающихся Германии. Под влиянием советско-германского пакта антинацистская пропаганда была почти сведена на нет. Не делалось ровно ничего, чтобы дать понять, что наиболее вероятным противником России в будущей войне является Германия. Значительная часть пропаганды как в армии, так и среди советского народа в целом была в 1940 г. и даже в 1941 г. проникнута в высшей степени инфантильным стремлением принимать желаемое за действительное.

«Большой вред воспитанию советского народа в духе преодоления трудностей возможной войны, — говорится в «Истории войны», — нанесли настроения легкой победы над врагом, распространявшиеся накануне войны... Такие настроения... культивировали, например... фильмы «Если завтра война» и др. Некоторые газеты, в том числе и армейские, давали этим неполноценным и легковесным произведениям положительную оценку, усугубляя наносимый ими вред.

Некоторые авторы¹⁷ считали, что при первых выстрелах войны любое империалистическое государство немедленно развалится. Они не придавали значения тем большим усилиям, которые предпринимались в фашистских странах для одурманивания народных масс, террористической расправы с непокорными, для создания личной материальной заинтересованности солдат и офицеров, а также их семей в военном грабеже». Таковы, согласно советской «Истории войны», главные причины психологической неподготовленности советского народа и Красной Армии к германскому вторжению в 1941 г.

Не менее серьезной, чем эта психологическая неподготовленность к войне против нацистской Германии, была военная неподготовленность Красной Армии как в смысле отвечавшего современным требованиям обучения ее личного состава, так и с точки зрения количества, а особенно качества ее снаряжения.

В этой связи встает важный вопрос: действительно ли Советское правительство полностью использовало 22-месячную передышку, предоставленную ему советско-германским пактом?

В настоящее время советские историки доказывают, что в 1940–1941 гг. Советский Союз имел очень прочную промышленно-экономическую базу, заявляют, что «трудно переоценить значение тех оборонных мероприятий, которые были проведены в СССР за неполных 22 месяца...»¹⁸, но признают, что это не дало тех конечных результатов, на какие можно было рассчитывать. С одной стороны, верно, что, как говорится в «Истории войны»:

«Советская экономика располагала материально-технической базой, позволявшей... развернуть массовое производство всех видов современного вооружения и боевой техники и одновременно обеспечить... потребности Советских Вооруженных Сил и населения в условиях войны»¹⁹.

Советский Союз имел крупнейшую в Европе машиностроительную промышленность; за три пятилетки в нем было построено около 9 тыс., новых крупных промышленных предприятий: 1500 за первую пятилетку, 4500 — за вторую и 3000 — за первые три года третьей пятилетки (то есть до 1941 г.). В 1940 г. в СССР было выплавлено 18,3 млн. т стали, добыто 31 млн. т нефти и 166 млн. т угля; в 1941 г. эти показатели предполагалось значительно увеличить. Военные расходы составляли в годы второй пятилетки только 12,7% бюджета, но с начала мировой войны они выросли до 26,4%. Начиная с сентября 1939 г. партией и правительством были приняты меры для расширения производственной мощности некоторых отраслей военной промышленности, в частности авиационной, по меньшей мере на 100% в ближайшие полтора-два года. Но одно дело — все эти планы, и совсем другое — достигнутые результаты. По признанию «Истории войны», к концу 1940 г. они все еще были крайне неутешительными; не стали они особенно значительными и к середине 1941 г. — моменту германского вторжения.

«Новые советские самолеты — истребители Як-1, МиГ-3 и бомбардировщик Пе-2 — стали выпускаться лишь в 1940 г. и в очень малом количестве. Так, например, самолетов МиГ-3 было произведено в 1940 г. 20, Як-1 — 64, а Пе-2 насчитывалось всего 1–2 машины. В первой половине 1941 г. положение улучшилось. Истребителей новых типов — МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1 — промышленность дала 1946, бомбардировщиков Пе-2 — 458 и штурмовиков Ил-2 — 249.

Однако это количество машин не могло изменить общего соотношения старых и новых самолетов в войсках...»²⁰. Не лучших показателей добилась и танковая промышленность. В июне 1941 г. Красная Армия имела очень большое количество танков, но почти все они были устаревших типов.

Новые танки KB и Т-34, доказавшие впоследствии свое превосходство над германскими танками, в 1939 г. еще не были пущены в производство. В 1940 г. было произведено всего 243 танка KB и 115 танков Т-34; внушительное увеличение было достигнуто только в первой половине 1941 г., когда с конвейеров сошло 393 танка KB и 1100 танков Т-34.

«Недопустимо медленно» расширялось также производство пушек, минометов и автоматического оружия. Вину за это «История войны» возлагает на заместителей наркома обороны Г. И. Кулика, Л. З. Мехлиса и Е. А. Щаденко; Кулика, в частности, критикуют за то, что он пренебрегал производством автоматов, важность которых он упорно отрицал и отсутствие которых поставило советскую пехоту в крайне невыгодное положение. Выпуск боеприпасов отставал в 1941 г. даже от производства пушек. Хотя первые специальные противотанковые ружья были изготовлены в России в 1940–1941 гг., к началу войны армия их еще не получила²¹.

В очень слабое положение ставило Красную Армию также отсутствие в Советском Союзе развитой автомобильной промышленности; в июне 1941 г. в СССР имелось всего 800 тыс. автомашин, и значительную часть орудий приходилось передвигать на лошадях или совершенно не приспособленными для этого сельскохозяйственными тракторами.

С другой стороны, по мнению многих экспертов, советская артиллерия была лучше немецкой: в 1940–1941 гг. началось массовое производство реактивных снарядов, впервые примененных в финскую войну, а знаменитые «катюши» почти с самого начала приобрели исключительную популярность в Красной Армии. Впервые они были введены в действие под Смоленском примерно в середине июля.

Радар был в Красной Армии в зачаточном состоянии, и даже обычная радиосвязь между армейскими частями не являлась общим правилом. «Многие командиры не умели пользоваться радиосвязью... предпочитали ей проводные средства»²². В условиях высококомобильной войны такая связь зачастую оказывалась совершенно бесполезной.

Это только один из многих примеров, показывающих, что в 1941 г. солдаты и офицеры Красной Армии нередко уступали своим немецким противникам в профессиональном отношении; по оценке самих советских военных руководителей, их солдаты и офицеры в сущности только в 1943 г. сравнялись в профессиональном отношении с солдатами и офицерами германской армии и даже превзошли их.

В 1941 г. лишь у очень немногих офицеров и солдат был непосредственный опыт участия в войне; при этом среди них было много новых людей, только недавно подготовленных для «замены» тысяч офицеров, ставших жертвами репрессий 1937–1938 гг. Хотя в августе 1940 г. был вновь введен принцип единоначалия путем упразднения военных комиссаров, отношения между многими командирами и политработниками оставались не очень хорошими, хотя (в июле 1940 г.) 54% офицеров были членами или кандидатами партии, а 22% — комсомольцами. Как мы увидим, офицеры полностью вступили в свои права только осенью 1942 г.

Серьезные упущения имелись и в подготовке специализированных войск, в частности танковых экипажей и летного состава. В «Истории войны» содержатся поразительные признания на этот счет. В день нападения немцев в приграничных районах не только не хватало современных танков и самолетов, но ощущался и серьезный недостаток хорошо подготовленных летчиков и танкистов.

«Танки Т-34 и КВ начали поступать в приграничные округа лишь в апреле — мае 1941 г., и к началу войны во всех пяти военных приграничных округах их насчитывалось всего 1475, в том числе КВ — 508, Т-34 — 967. Правда, в войсках имелось значительное количество танков старых типов (БТ-5, БТ-7, Т-26 и др.)...

Генеральный штаб СССР исходил из предположения, что эти войска будут полностью укомплектованы за несколько дней, которые пройдут между мобилизацией и фактическим началом военных действий.

«Вся организация обороны государственной границы исходила из предположения, что внезапное нападение противника исключено, что решительному наступлению с его стороны будет предшествовать либо объявление войны, либо фактическое начало военных действий ограниченными силами, после чего советские войска смогут выдвинуться к своим оборонительным позициям и занять их... Не была создана оперативная и тактическая группировка сил для отражения вражеского удара»²³.

Далее в «Истории войны» приводится таблица, показывающая, что в главных районах вторжения немцы обладали несомненным численным превосходством над советскими войсками, но к этому превосходству добавлялось также большое качественное превосходство, так как среди советских солдат в приграничных районах имелось много новобранцев, не обладавших ни знаниями, ни опытом.

Трагична история о том, как были уничтожены, по большей части в первый же день вторжения, современные самолеты русских, сосредоточенные в западных районах.

Для новых скоростных самолетов требовалось удлинить взлетные полосы, поэтому летом 1941 г. в приграничных округах сооружалась новая аэродромная сеть. Строительство новых аэродромов и переоборудование старых находились в руках НКВД. Здесь в «Истории войны» имеется намек на безответственность и ошибки бериевской организации. Не считаясь с предостережениями военных, Берия принялся одновременно строить и переоборудовать большое количество аэродромов в приграничных округах.

«В результате... истребительная авиация скопилась на ограниченном количестве аэродромов, что лишило ее маневра, затруднило маскировку и рассредоточение. Кроме того, некоторые аэродромы... были придвинуты чрезмерно близко к границе, что делало их крайне уязвимыми в случае внезапного нападения авиации противника. Отсутствие готовой аэродромной сети к 22 июня 1941 г., скученное расположение авиационных частей на немногочисленных аэродромах мирного времени, многие из которых были хорошо известны противнику, явились одной из причин тяжелых потерь, понесенных нашей авиацией в первые дни войны»²⁴.

Тяжелым было положение в приграничных военных округах в тот день, 22 июня. Пропускная способность железных дорог в новых приграничных районах, вошедших в состав СССР начиная с 1939 г., была в три-четыре раза ниже, чем на германской стороне. Строительство укреплений вдоль новых границ также находилось в июне 1941 г. лишь в начальной стадии. Летом 1940 г. был разработан план укрепления западной границы, но он был рассчитан на несколько лет. Укрепления на старой границе (1938) были демонтированы, на новой же к началу войны было построено только несколько сот долговременных огневых точек и орудийных позиций. План строительства противотанковых рвов и других противотанковых и противопехотных препятствий был выполнен лишь на 25%. Немцы, конечно,

прекрасно знали об этих укреплениях, аэродромах и т.п. «История войны» упоминает не только о засылке немцами начиная с 1939 г. многочисленных разведывательных групп на территорию СССР, но и о более чем 500 нарушениях советского воздушного пространства германской авиацией, из которых 152 имели место в первую половину 1941 г. Во избежание осложнений с Гитлером пограничные войска, согласно «Истории войны», получили строгий приказ не сбивать германские разведывательные самолеты над советской территорией.

В советской «Истории войны» делается многозначительный вывод, что у советского Генерального штаба имелись совершенно разумные планы, согласно которым граница должна была стать гораздо менее уязвимой к концу 1941 — началу 1942 г., но что в условиях угрозы со стороны Германии в 1941 г. все делалось слишком медленно и слишком поздно. Далее следует утверждение, что ни Генеральный штаб, ни Наркомат обороны не проявили бы такой некомпетентности, если бы не совершенно необоснованные репрессии «в отношении руководящих командных и политических кадров в 1937–1938 гг.».

Упоминание о Тухачевском и других жертвах чистки, разумеется, дает крайне неполное представление о действительном положении: следует учесть, что временно или окончательно было устранено не менее 15 тыс. офицеров, то есть около 10–15%, но среди старшего и высшего командного состава этот процент был еще более высоким.

Положение по советскую сторону границы составляло, конечно, разительный контраст с тем, что происходило на германской стороне. Здесь с середины 1940 г., то есть еще до того даже, как «план Барбаросса» был окончательно принят (он был принят 18 декабря 1940 г.), немцы тщательно готовили почву для возможного нападения на Советский Союз. В течение года, предшествовавшего вторжению, были построены шоссейные дороги, в том числе автостреды, железные дороги и широкая сеть аэродромов; в течение этого же периода немцы построили или усовершенствовали в Польше не менее 250 аэродромов и 50 взлетно-посадочных полос для своих смертоносных «хейнкелей», «дорнье» и «мессершмиттов».

По словам немецкого хроникера, «в июне 1941 г. миллионы немецких солдат ворвались в Россию без энтузиазма, но со спокойной уверенностью в победе»²⁵

Глава II. Вторжение

Танковые части немецкой армии проходят через советскую деревню. Июль 1941 года

Так для народов СССР начался ужасный год — самый ужасный из всех, какие они когда-либо знали. За несколько дней и недель волна разрушения и смерти захлестнула обширные территории страны. В приграничных районах и на территориях, лежавших значительно глубже, немцы массированными ударами разгромили, взяли в плен или дезорганизовали противостоявшие им части Красной Армии; авиация в западных районах была фактически уничтожена в первый же день вторжения. Через пять дней после начала войны немецкие войска уже захватили столицу Белоруссии Минск. Немного больше времени понадобилось германским армиям и для того, чтобы занять все районы, вошедшие в состав Сойотского Союза начиная с 1939 г.: Западную Белоруссию, Западную Украину, Литву, Латвию и Эстонию. На севере финны прорвались к старой границе 1939 г., проходившей немного северо-западнее Ленинграда. 8 июля немцы уже кричали, что война в России «фактически» выиграна.

Эти первоначальные страшные поражения, несомненно, ошеломили советский народ, и все же почти с первого дня стало ясно, что

это отечественная война²⁶. Страну охватил ужас, но к нему примешалось чувство национальной непокорности и опасение, что это будет долгая, упорная и отчаянная борьба.

Все понимали, что погибнут миллионы людей, и все же, казалось, лишь очень немногие думали о возможности полного военного поражения и завоевания страны немцами. В этом отношении контраст с Францией во время германского вторжения 1940 г. был разительным.

Такая уверенность была характерной чертой русского народа и значительного большинства украинцев и белорусов; но ее не существовало в Литве, Латвии, Эстонии: «установление Советской власти незадолго до начала войны... не означало, что классовый враг в этих районах сложил оружие»²⁷.

Какими были первые дни войны в приграничных районах, захваченных немцами? Мемуары некоторых русских военных, опубликованные за последние годы, в особенности воспоминания генералов Федюнинского и Болдина, рисуют потрясающую картину событий того времени.

В апреле 1941 г. Федюнинский (которому суждено было сыграть впоследствии заметную роль в войне, особенно во время прорыва блокады Ленинграда) был назначен командиром 15-го стрелкового корпуса, который был дислоцирован в Киевском особом военном округе и штаб которого находился в западно-украинском городе Ковеле, примерно в 50 км к востоку от границы между Советским Союзом и оккупированной немцами Польшей, на главном направлении на Киев.

Генерал обнаружил, что войска в приграничных районах все еще находились на мирном положении и что реорганизация шла очень медленно. Новые самолеты и танки, которые должны были заменить устаревшие модели, прибывали очень медленными темпами. Офицеры старшего возраста, в том числе те, кому довелось служить в царской армии, серьезно опасались войны, но среди молодых офицеров и солдат, к сожалению, были распространены настроения самоуспокоенности.

Хотя сообщение ТАСС от 14 июня опровергало слухи об агрессивных намерениях Германии как «лишенные всякой почвы», Федюнинский повторяет, что «через несколько дней мы получили сведения, которые в корне противоречили сообщению ТАСС», и рассказывает, как 18 июня к русским перешел немецкий десерт. Напившись пьяным, он ударил офицера и боялся, что его предадут военному суду и расстреляют. Он также утверждал, что его отец был коммунистом.

Этот немецкий солдат заявил, что германская армия вторгнется в Россию в 4 часа утра 22 июня.

Федюнинский тут же позвонил командующему армией генералу танковых войск Потапову, но в ответ услышал, что это «провокация» и что вы «напрасно бьете тревогу». Два дня спустя Федюнинского посетил генерал Рокоссовский, который не разделял самоуспокоенности Потапова и был очень встревожен. Рано утром 22 июня Федюнинского вызвал к телефону Потапов, приказавший поднять войска по тревоге, но боеприпасы пока не раздавать.

15-й стрелковый корпус должен был удерживать участок шириной около 100 км.

«Развертываться и занимать оборону на широком фронте приходилось под сильным воздействием артиллерии и авиации противника. Часто нарушалась связь, порой боевые приказы и распоряжения поступали к исполнителям с опозданием. . . Командиры частей и подразделений проявили организованность, не допустили потери управления. Дивизии своевременно вышли на намеченные рубежи обороны, где уже с необычайным упорством вели неравный бой пограничные отряды.

Мужественными оказались жены командиров-пограничников. Они находились вместе со своими мужьями на линии огня, перевязывали раненых, подносили боеприпасы, воду для пулеметов. Некоторые сами стреляли по наступающим фашистам.

Ряды пограничников таяли, силы их слабели. На заставах горели казармы и жилые дома, подожженные артиллерией врага. Но пограничники стояли насмерть. Они знали: за их спиной в предрассветном тумане к границе спешат войска, подтягивается артиллерия».

В течение всего первого дня войска Федюнинского сдерживали натиск немцев, но немцы вводили в бой все новые и новые силы, и к вечеру части корпуса, понеся очень тяжелые потери, начали отходить. Обстановка осложнялась высадкой в тыл немецких десантов и многочисленными ложными сообщениями о десантах, распространявшимися «вражескими агентами». В Ковеле вели подрывную деятельность шайки бандеровцев, игравшие роль немецкой «пятой колонны»; они нападали на советские военные машины, взрывали мосты и распространяли ложные слухи. Так как с северо-запада по шоссе Ковель — Брест к Ковелю приближались крупные танковые силы немцев, было решено эвакуировать город. 15-й стрелковый корпус продолжал бои частью сил, будучи уже окружен немцами. Несмотря на это, за три дня боев главные силы корпуса были оттес-

нены от границы всего на 20–30 км. Тем не менее Ковель пришлось оставить и занять новые оборонительные рубежи восточнее города.

Это отступление было типичным для многих подобных отступлений в июне 1941 г. Немцы полностью господствовали в воздухе, и потери от бомбежек были очень велики. Кроме того, диверсанты всячески тормозили отступление советских войск, взрывая мосты. «Вражеской авиацией и диверсионными группами были выведены из строя узлы и линии связи. Радиостанций в штабах не хватало, да и пользоваться ими мы еще не привыкли... Приказы и распоряжения доходили до исполнителей с опозданием или не доходили вовсе... Связь с соседями нередко отсутствовала, причем зачастую никто и не стремился ее устанавливать. Противник, пользуясь этим, просачивался в тыл наших подразделений, нападал на штабы частей... Несмотря на господство противника в воздухе, плохо соблюдались меры маскировки на маршах. Часто на узких дорогах образовывались скопления войск, автомашин, артиллерийских орудий, походных кухонь. По таким «пробкам» фашистские самолеты наносили весьма чувствительные удары... Были случаи, когда бойцы не рыли окопов... из-за нехватки шанцевого инструмента. Положение с шанцевым инструментом было так плохо, что в некоторых подразделениях солдаты пользовались вместо лопат касками».

Все же, несмотря на ужасные потери, понесенные советскими войсками, боевой дух оставался довольно высоким. «Было бы ошибкой утверждать, — пишет Федюнинский, что в частях корпуса вовсе не имелось случаев малодушия и трусости. Но встречались они довольно редко, а главное, их удавалось преодолевать прежде всего огромной силой воздействия здорового, боеспособного коллектива, крепко сцементированного партийными организациями».

Любопытно, что, рассказав эту драматическую историю об отступлении 15-го стрелкового корпуса и о двух полках, вырвавшихся из окружения после восьмидневных тяжелых боев, Федюнинский останавливается на том впечатлении, которое произвело на войска выступление Сталина по радио 3 июля.

«Трудно описать, с каким огромным воодушевлением и патриотическим подъемом был встречен этот призыв. У нас словно прибавилось сил.

В частях, там, где позволяла обстановка, собирались короткие митинги. В ротах и взводах были проведены беседы, в которых агитаторы разъясняли солдатам обстановку на фронтах, рассказывали о том, что по зову партии на священную Отечественную войну под-

нимается весь советский народ. Подчеркивалось, что борьба будет упорной и трудной, что предстоит много испытаний, много лишений и жертв, но никогда фашистским захватчикам не победить нашего могучего, трудолюбивого народа».

Но отступление продолжалось, и к 8 июля войска Федюнинского отошли к Коростенскому укрепленному району на Украине, уже в пределах «старых» границ Советского Союза. 12 августа, после дальнейшего отступления в направлении Киева, Федюнинский был вызван в Москву, и генерал Василевский приказал ему немедленно вылететь в Ленинград, где складывалась еще более серьезная обстановка, чем на юге.

Еще более яркое и трагическое, чем у Федюнинского, описание первых дней войны содержится в воспоминаниях генерала И. В. Болдина, который зимой 1941 г. приобрел известность как командующий, которому была поручена оборона Тулы.

О предстоящем германском вторжении он узнал вечером 21 июня в минском Доме офицеров, где он вместе с другими командирами присутствовал на представлении «Свадьбы в Малиновке».

«Неожиданно в нашей ложе показался начальник разведотдела штаба Западного Особого военного округа полковник С. В. Блохин. Наклонившись к командующему генералу армии Д. Г. Павлову, он что-то тихо прошептал.

— Этого не может быть, — услышалось в ответ.

— Чепуха какая-то, — вполголоса обратился ко мне Павлов. — Разведка сообщает, что на границе очень тревожно. Немецкие войска якобы приведены в полную боевую готовность и даже начали обстрел отдельных участков нашей границы.

Затем Павлов слегка коснулся моей руки и, приложив палец к губам, показал на сцену...»

Но пьеса больше не интересовала Болдина: он размышлял о тревожных известиях, поступавших в последние дни, например о сообщениях из Гродно от 20 июня, что немцы сняли проволочные заграждения у дороги Августов — Сейни, что в лесу в этом районе слышался шум многочисленных моторов и что русское воздушное пространство нарушило несколько разведывательных самолетов с подвешенными бомбами.

21 июня поступили сообщения о сосредоточении в различных пунктах крупных сил немцев с тяжелыми и средними танками. Болдин был озадачен «олимпийским спокойствием» командующего.

Это спокойствие сохранялось недолго. Рано утром Болдину был передан по телефону взволнованный приказ Павлова немедленно явиться в штаб.

Пятнадцать минут спустя он был уже там.

«— Случилось что? — спрашиваю генерала Павлова.

— Сам как следует не разберу. Понимаешь, какая-то чертовщина. Несколько минут назад звонил из третьей армии Кузнецов. Говорит, что немцы нарушили границу на участке от Сопоцкина до Августова, бомбят Гродно, штаб армии. Связь с частями по проводам нарушена, перешли на радио. Две радиостанции прекратили работу — может, уничтожены... Звонил из десятой армии Голубев, а из четвертой — начальник штаба полковник Сандалов. Сообщения неприятные. Немцы всюду бомбят...

Наш разговор прервал телефонный звонок из Москвы. Павлова вызывал нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Командующий доложил обстановку.

Вскоре снова позвонил Кузнецов, сообщил, что немцы продолжают бомбить...

Поступают все новые и новые донесения. Сила ударов гитлеровских воздушных пиратов нарастает. Они бомбят Белосток и Гродно, Лиду и Цехановец, Волковыск и Кобрин, Брест, Слоним и другие города Белоруссии. То тут, то там действуют немецкие парашютисты.

Много наших самолетов погибло, не успев подняться в воздух. А фашисты продолжают с бреющего полета расстреливать советские войска, мирное население. На ряде участков они перешли границу и, заняв десятки населенных пунктов, продолжают продвигаться вперед...

Наконец, из Москвы поступил приказ немедленно ввести в действие «Красный пакет», содержащий план прикрытия государственной границы. Но было, уже поздно... Фашисты уже развернули широкие военные действия... на ряде направлений враг уже глубоко вклинился на нашу территорию!»

Несколько часов спустя с разрешения Тимошенко Болдин вылетел в Белосток. В Белостоке царил хаос, на железнодорожной станции подвергся бомбардировке состав, забитый эвакуируемыми женщинами и детьми, сотни людей были убиты.

Наконец к вечеру Болдин добрался до штаба 10-й армии, переехавшего из Белостока в небольшой лес на некотором расстоянии от города. Там находился генерал Голубев с группой штабных офицеров. Ему не удалось связаться со штабом фронта, так как проводная

связь была нарушена, а передачи радиостанции постоянно забивались противником. Голубев доложил Болдину:

«— На рассвете три вражеских армейских корпуса при поддержке значительного количества танков и бомбардировочной авиации атаковали мой левофланговый пятый стрелковый корпус. Дивизии корпуса в первые же часы боя понесли большие потери...

И по лицу, и по голосу генерала чувствуется, что он сильно переживает. Попросив разрешения, он вынул из кармана коробку с папиросами, закурил, а затем, водя карандашом по карте, продолжал:

— Чтобы предотвратить охват армии с юга, я развернул на реке Курец тринадцатый механизированный корпус, но, сами знаете, Иван Васильевич, танков в дивизиях корпуса мало. Да и что можно требовать от Т-26? По воробьям из них стрелять...»

Далее из его доклада следовало, что как самолеты, так и зенитная артиллерия корпуса разбиты и что агенты, очевидно, информировали немцев о расположении армейских складов с горючим, так как все они были уничтожены бомбардировкой в первые же часы вторжения.

В этот момент была восстановлена связь с Минском, и генерал Павлов начал отдавать Болдину категорические приказы о контрнаступлении, которое 10-я армия должна была предпринять этой ночью. Болдин возразил, что 10-я армия фактически уничтожена.

Остальная часть этой трагической главы в книге Болдина посвящена попыткам организовать в течение 23 июня контрнаступление, использовав остатки 10-й армии, некоторые другие части и танковый корпус под командованием генерала Хацкилевича, находившийся еще в сравнительно хорошем состоянии. Но на протяжении всего дня войска и штаб армии подвергались налетам авиации противника. Один из генералов был убит; танкисты Хацкилевича мужественно сражались, но у них кончилось горючее. Болдин, которому не удалось установить связь со штабом фронта, послал в Минск два самолета с просьбой прислать по воздуху горючее в штаб 10-й армии. Но оба самолета были сбиты.

Окруженные со всех сторон, подобно другим войскам, оказавшимся в знаменитом «белостокском мешке», не имея боеприпасов, генералы, офицеры и солдаты под командованием Болдина разделились на небольшие группы и двинулись наудачу на восток... Небольшой группе Болдина, постепенно обраставшей людьми за время своего 45-дневного перехода по лесу, в конечном счете (когда их

насчитывалось уже 2 тыс. человек) удалось перейти фронт под Смоленском и соединиться с основными силами русских.

Многие другие части, которым не так повезло, как группе Болдина, были уничтожены немцами или вынуждены сдаться. Болдин признает, что в первые дни перехода настроение у некоторых его солдат было неважное, особенно из-за того, что немцы сбрасывали листовки, в которых говорилось: «Москва капитулировала. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Сдавайтесь победоносной Германии». Но большинство испытывало не отчаяние, а злость.

Рассказы очевидцев — генералов Федюнинского и Болдина — подтверждают, что Сталин и Главное Командование армии, видимо, до последней минуты надеялись избежать войны. Только в ночь накануне вторжения в войска были посланы срочные приказы тайно занять огневые точки на границе, рассредоточить авиацию, сконцентрированную на приграничных аэродромах, и привести в боевую готовность войска и противовоздушную оборону.

Никаких других мер принимать не предлагалось, и даже эти приказы поступили слишком поздно.

Так, генерал Пуркаев вспоминает, что он начал перебрасывать свои войска к границе только через несколько часов после начала войны. Другой командующий, генерал армии Попов, пишет, что налеты немецкой авиации на Брест-Литовск явились полнейшей неожиданностью. Полк, брошенный к границе из Риги, был перехвачен превосходящими силами немцев и фактически уничтожен.

В «Истории войны» признается, что во многих приграничных районах немцы быстро сломали всякое сопротивление. Многие советские части шли в бой совершенно неподготовленными, и немцы без труда прорвали пограничные укрепления. Советская авиация была почти вся уничтожена на широком пространстве. В течение первого дня войны германские бомбардировщики нанесли удары по 66 аэродромам, особенно там, где были сосредоточены наиболее современные самолеты. К полудню 22 июня было уничтожено 1200 самолетов, в том числе 800 — на земле. Самые тяжелые потери понес Западный фронт, где было выведено из строя 528 самолетов на земле и 210 в воздухе.

В приграничных районах никаких резервов фактически не было. Телефонная и телеграфная связь была нарушена в первые же часы войны. Части потеряли связь друг с другом. Некоторые командиры не обладали необходимой оперативно-тактической подготовкой и опытом руководства крупными соединениями в условиях войны.

В первые часы войны командование и штабы фронтов и многих армий не могли составить достаточно ясного представления о происшедших событиях.

Первая директива народного комиссара обороны, отданная в 7 час 15 мин утра 22 июня, отражает незнание им действительной обстановки, и, когда рассматриваешь ее теперь ретроспективно, ее абсолютная нереальность совершенно очевидна:

«1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»²⁸.

Этот приказ, отданный после того как советская авиация понесла тяжелые потери, естественно, не мог быть выполнен. К исходу 22 июня левый фланг германской группы армий «Центр» уже продвинулся далеко за Каунас, где разгромил 11-ю армию советских войск, теперь в беспорядке отступавшую от Каунаса к Вильнюсу.

Несомненно, местами сопротивление советских войск было успешным; так было, например, с окруженной со всех сторон Брестской крепостью, цитадель которой более месяца, до 24 июля, держалась под непрерывной бомбежкой и артиллерийским обстрелом. Когда немцы наконец захватили цитадель, большинство ее защитников было убито или тяжело ранено. Однако главные силы немцев в этом районе обошли Брест и в первый же день войны продвинулись на 55 км к востоку.

Оперативная сводка Генерального штаба на 10 часов вечера 22 июня, вероятно, была рассчитана на то, чтобы изобразить положение на фронте как относительно благополучное и не вызывающее тревоги.

«Германские регулярные войска в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии, атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»²⁹.

То, что и сам Генеральный штаб не очень ясно разобрался в обстановке, подтверждается второй директивой войскам в приграничном районе. Юго-Западному фронту предлагалось начать на следующий же день крупное наступление, которое должно было привести 24 июня к захвату Люблина, расположенного примерно в 50 км к западу от советской границы! В это же время Северо-Западному фронту предлагалось захватить Сувалки, и, кроме того, трем фронтам было приказано окружить все германские силы, проникшие на советскую территорию.

При всей неисполнимости этого приказа была сделана попытка выполнить его: в ряде пунктов советскому командованию удалось сосредоточить еще имевшиеся у него в приграничных районах танки, но из-за отсутствия прикрытия с воздуха они были уничтожены германскими бомбардировщиками.

Немецкое наступление развивалось почти безостановочно. Крупные силы советских войск были окружены в «белостокском мешке» и 11 дивизий — в районе Минска. К 28 июня немцы уже подошли к Минску, глубоко продвинулись на территорию Прибалтийских республик и приближались к Пскову на прямом пути в Ленинград.

Несколько дней спустя два крупных танковых соединения немцев вышли на Березину, имея против себя лишь остатки 16 советских дивизий; в этих условиях организовать новую линию обороны протяженностью 350 км было немыслимо. Однако советские войска с большим мужеством вели сдерживающие бои на отдельных участках, в частности восточнее Минска, под Борисовом, где они бросили в бой много танков, хотя в большинстве своем устаревших конструкций. Эти сдерживающие бои в какой-то степени помогли выиграть время, чтобы подтянуть резервы и организовать оборону в глубину на главном смоленско-московском направлении.

Советские войска вели также с самоотверженным мужеством ряд менее крупных сдерживающих боев против германской группы армий «Юг». Задержанные в районе Ровно, немцы, не будучи в состоянии продолжать наступление на Киев, повернули на север и увязли на некоторое время в так называемых «боях местного значения». Однако к 9 июля немцы прорвались к Житомиру, захватили его и создали угрозу прорыва к Киеву и окружения главных сил советских войск в Северной Украине. Но и здесь, в районе Бердичева, русские ввели в бой некоторое количество танков, и почти неделю вокруг Бердичева шли тяжелые бои.

Глава III. Призыв к всенародной войне

Рабочие московского завода «Серп и Молот» слушают заявление советского правительства о начале войны

Только спустя несколько часов после вторжения немецко-фашистских войск в Советский Союз в 12 часов дня 22 июня Советское правительство обратилось к народу по радио с заявлением о начале войны. «Сегодня, в 4 часа утра, — говорилось в этом заявлении, — без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. На-

падение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

Затем в заявлении наркома иностранных дел В. М. Молотова говорилось, что в 5 час 30 мин утра его посетил германский посол граф Шуленбург, уведомивший его, что решение Германии напасть на Советский Союз вызвано сосредоточением русских войск на границе.

Подчеркнув, что ни в одном пункте наши войска и авиация не допустили нарушения границы, Молотов заклеил как «ложь и провокацию» переданное утром по румынскому радио сообщение, что советская авиация обстреляла румынские аэродромы, и заявление Гитлера, «пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта». Но теперь, когда немцы напали на Советский Союз, Советское правительство приказало своим войскам отразить нападение и выбросить немцев за пределы территории СССР.

«Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией... а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегии), Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы».

Советское правительство выражало уверенность, что Советские Вооруженные Силы выполнят свои долг и разгромят агрессора. Заявление напоминало о том, что Россия уже подвергалась вторжениям, что в Великую Отечественную войну 1812 г. весь русский народ поднялся как один человек, чтобы сокрушить Наполеона. «То же будет и с зазнавшимся Гитлером...»

«Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом».

Правительство призывало граждан и гражданок Советского Союза еще теснее сплотить свои ряды вокруг большевистской партии и Советского правительства.

Заявление содержало несколько метких фраз, которые врезались людям в память и стали ходячими. Таковы были слова о том, что это новая «Отечественная война», подобная войне 1812 г., а также заключительные фразы: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Некоторым утешением для советских людей, читавших противоречивые и сдержанные военные сводки, явилось выступление Черчилля по радио вечером 22 июня, меньше чем через сутки после начала германского вторжения.

Отдельные места этой речи произвели особенно сильное впечатление. «За последние 25 лет, — признавал Черчилль, — не было более последовательного противника коммунизма, нежели я. Я не возьму назад ни одного своего слова, сказанного против коммунизма». Но дальше он сказал так, как мог сказать только он один:

«Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли... Я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся — да, ибо бывают времена, когда молятся все, — о безопасности своих близких... Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина... Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся, подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу...»

Далее следовало заверение, что Англия никогда не пойдет на сделку с Гитлером, что она окажет поддержку СССР, и в заключение выразилось убеждение, что «он (Гитлер) хочет сломить русскую мощь, ибо надеется, что, если это ему удастся, он сможет бросить главные силы своей армии и авиации на наш остров...»

Почти все комментарии, которые я слышал от русских, сводились к следующему: «Мы слышали насчет Гесса, и мы подозревали, что между Англией и Германией существует какой-то сговор. Мы помнили о Мюнхене и об англо-франко-советских переговорах летом 1939 г. Мы глубоко переживали бомбежки Лондона, но мы все время испытывали чувство недоверия по отношению к Англии. Когда Германия напала на нас, одной из наших первых мыслей было, что, может быть, она сделала это по договоренности с Англией. А что Англия станет нашей союзницей, — да, союзницей, — это превзошло все наши ожидания».

Прошло 12 невероятно долгих и тревожных дней, прежде чем к советскому народу обратился по радио сам Сталин.

Он выступил рано утром 3 июля. Это было поразительное выступление. Причем наиболее сильное впечатление произвели вступительные слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Это было нечто новое. Никогда еще Сталин так не говорил. Но эти слова вполне подходили для атмосферы тех дней.

Вначале Сталин сказал, что нацистское вторжение продолжается, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии и несмотря на то, что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений». Преуменьшая уже понесенные территориальные потери, Сталин сказал, что нацистским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии и часть Западной Украины. Германские самолеты бомбили Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу и Севастополь. «Над нашей Родиной нависла серьезная опасность».

Значит ли это, спрашивал Сталин, что немецко-фашистские войска непобедимы? Конечно, нет! Армии Наполеона и Вильгельма II тоже считались непобедимыми, однако они были в конце концов разбиты. То же будет и с гитлеровской армией. «Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление». То, что «часть нашей территории» все же оказалась захваченной, объясняется главным образом тем, что война началась в условиях, выгодных для немцев и невыгодных для Красной Армии.

«Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей».

Затем Сталин привел доводы в оправдание советско-германского пакта.

«Могут спросить: как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно,

нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом».

Сталин сказал, что пакт дал Советскому Союзу время подготовиться к отражению германского нападения, если бы нацистская Германия решила напасть на него.

«В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией... В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов... Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ...

Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель... захват нашего хлеба и нашей нефти... Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры... народов Советского Союза... их превращение в рабов немецких князей и баронов...

Необходимо... чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей».

Упомянув о Ленине, Сталин далее заявил:

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага... Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села... Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны... обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов... Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими... дезертирами, паникерами... уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов... Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица».

А затем шли знаменитые инструкции по проведению тактики «выжженной земли»:

«При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться».

Далее следовали инструкции насчет «партизанской войны»:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды... создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной или телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...»

По словам Сталина, эта война не была обычной войной между двумя армиями: это была война всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной войны являлась не только ликвидация опасности, нависшей над Советским Союзом, но и помощь всем народам Европы, стонущим под германским игом. В этой войне, говорил Сталин, советский народ будет иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, включая германский народ, поработанный его законами. Борьба советского народа за свободу своего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за свою независимость и демократические свободы.

«В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые

могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными».

И, наконец, следовало заключение:

«Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к со зданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение...

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!»

Эта речь, обращенная к встревоженным, а нередко испуганным и растерявшимся людям, оказала очень большое воздействие. Своим сравнительно коротким выступлением по радио Сталин не только создал надежду на победу, если не уверенность в ней, но и сформулировал в скупых, выразительных словах целую программу поведения всей нации в военное время. Он также апеллировал к национальной гордости, к патриотическим чувствам народа. Это был великий призыв взять себя в руки и быть готовым к тяжелым жертвам.

Замечательное описание действия речи Сталина содержится в известном романе Константина Симонова «Живые и мертвые». В данном случае речь слушают в полевом госпитале.

«Сталин говорил глухо и медленно, с сильным грузинским акцентом. Один раз, посредине речи, было слышно, как он, звякнув стаканом, пьет воду. Голос у Сталина был низкий, негромкий и мог показаться совершенно спокойным, если б не тяжелое, усталое дыхание и не эта вода, которую он стал пить во время речи...

И в несоответствии этого ровного голоса трагизму положения, о котором он говорил, была сила. Она не удивляла: от Сталина и ждали ее.

Его любили по-разному: беззаветно и с оговорками, и любясь, и побаиваясь; иногда даже не любили. Но в его мужестве и железной воле не сомневался никто. А как раз эти два качества и казались сейчас необходимым всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны.

Сталин не называл положение трагическим: само это слово было трудно представить себе в его устах, — но то, о чем он говорил, — ополчение, оккупированные территории, партизанская война, —

означало конец иллюзий... Правда была горькой, но она была наконец сказана, и с ней прочней стоял ось на земле.

А в том, что Сталин говорил о неудачном начале этой громадной и страшной войны, не особенно меняя привычный лексикон, — как об очень больших трудностях, которые надо как можно скорее преодолеть, — в этом тоже чувствовалась не слабость, а сила»³⁰.

Этот отрывок тем более замечателен, что он был написан в то время, когда общее отношение к Сталину уже стало весьма критическим. Но Симонов явно не хотел исказить историю в этом важнейшем вопросе. Огромное значение речи Сталина от 3 июля признают все без исключения работы, написанные в конце 50-х годов, даже если некоторые из них и не называют его по имени.

Главным, что осталось в сознании людей после речи Сталина, было напряженное ожидание перемен к лучшему.

Глава IV. Смоленск: первая неудача нацистской Германии в ходе «молниеносной войны»

Взорванный мост через Днепр в Смоленске. Июль 1941 года

Государственный Комитет Обороны, о создании которого Сталин объявил в своей речи от 3 июля, отвечал не только за ведение войны, но и за «быструю мобилизацию всех сил страны». Многие решения, принятые им в те критические дни, имели огромное значение. Они затрагивали всю область организации экономики военного времени, включая мобилизацию и эвакуацию целых отраслей промышленности, а также перестройку вооруженных сил.

В военной области Государственный Комитет Обороны решил несколько децентрализовать систему командования, разделив огромный фронт на три главных сектора, каждый со своим командованием. К. Е. Ворошилов был назначен главнокомандующим войсками Северо-Западного направления с подчинением ему Северного и Северо-Западного фронтов, а также Северного и Балтийского флотов, С. К. Тимошенко — Западного направления с подчинением ему Западного фронта и Пинской военной флотилии и С. М. Буденный — Юго-Западного направления с подчинением ему Юго-Западного и Южного фронтов и Черноморского флота. Членами Военных советов направлений были назначены соответственно А. А. Жданов, Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев.

16 июля был восстановлен институт военных комиссаров. Эту меру поддерживал начальник Управления политической пропаганды Красной Армии Л.З. Мехлис.

На практике военные комиссары оказались источником трений, и осенью 1942 г. их снова упразднили.

В конце июня было также решено мобилизовать в армию членов партии и комсомола в качестве политбойцов. Каждому обкому или крайкому вменялось в обязанность мобилизовать в течение трех дней от 500 до 5000 коммунистов и передать их в распоряжение Наркомата обороны. Таким способом было мобилизовано 95 тыс. политбойцов, причем 58 тыс. из них были посланы в действующую армию в первые три месяца войны.

Далее было решено создать в таких городах, как Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Макеевка, Горловка и другие промышленные центры, народное ополчение. В дальнейшем части народного ополчения широко использовались для заполнения брешей на фронте, в частности при обороне Москвы, Ленинграда и Одессы.

Помимо ополчения в городах и деревнях создавались и другие формирования, такие, как боевые группы, которые без отрыва от производства изучали военное дело; были отданы приказы об организации противовоздушной обороны.

«Все граждане — мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 18 до 50 лет — в обязательном порядке привлекались к работе в группах самозащиты, формируемых на предприятиях, в учреждениях и домоуправлениях. Подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне возлагалась на Осоавиахим»³¹.

Ряд важных постановлений, принятых в конце июня, касался организации партизанской борьбы в тылу врага, но, хотя сам принцип имел существенное значение, широкое партизанское движение в тылу у немцев развернулось значительно позже.

Пока Государственный Комитет Обороны разрабатывал эти планы и закладывал основы коренной перестройки экономики страны, положение на фронте оставалось катастрофическим. В начале июля в линии фронта образовались огромные бреши. Части «первого эшелона» Красной Армии понесли в первые недели вторжения такие ужасающие потери, что уже вряд ли могли считаться реальной силой. Надежда удержать новый оборонительный рубеж (который западная печать именovala «линией Сталина»), проходивший от Нарвы на Финском заливе через Псков, Полоцк и затем по Днепру до Херсона на Черном море, не оправдалась. Хотя людские резервы еще имелись, Красная Армия испытывала острый недостаток в вооружении всех типов.

В этой обстановке советское командование было вынуждено определить очередность задач, и оно решило приложить в первую очередь всемерные усилия, чтобы задержать врага на смоленско-московском направлении.

Смоленское сражение, если рассматривать его в перспективе, ознаменовало собой начало новой стадии войны, и с этих пор борьба между нацистской Германией и Советской Россией приняла совершенно другой характер. В районе Смоленска советским войскам впервые удалось остановить молниеносное наступление немцев хотя бы только на два месяца. Но тем самым маневренная свобода германского верховного командования, притом на направлении главного удара, нацеленного прямо на Москву, была сильно скована, а установленные им сроки, имевшие первостепенное значение, сорваны.

16 июля передовые части фон Бока достигли пригородов Смоленска, где натолкнулись на небывало сильное сопротивление. До сих пор они встречали лишь отдельные очаги сопротивления и сравнительно небольшие части, героически и самоотверженно отстаивавшие каждую пядь земли. На этот раз они натолкнулись на решительное сопротивление на сплошном и относительно широком фронте.

Командование Красной Армии было полно решимости не пускать врага дальше. Оно ввело резервы на широком фронте от Великих Лук до Мозыря, которые своими контратаками успешно задержали наступление немцев. Хотя сам Смоленск пал, в районе города продолжались тяжелые бои, и всю вторую половину июля и весь август немцам не удавалось прорвать фронт, прочно стабилизировавшийся примерно в 30–40 км восточнее Смоленска, по линии Ярцево — Ельня — Десна.

Немецкие и советские источники расходятся в вопросе о том, какая сторона имела численное превосходство в людях и в технике во время Смоленского сражения. Генерал Гудериан, например, ссылается на «большое численное превосходство русских в танках». Учитывая тяжелые потери, ранее понесенные русскими, это представляется весьма маловероятным, хотя надо иметь в виду, что после такого глубокого и быстрого продвижения по вражеской территории многие немецкие танки, возможно, вышли из строя. В какой-то мере должен был сказаться износ техники, и, кроме того, коммуникации к этому времени были настолько растянутыми (да еще в стране с плохими дорогами), что запасные части и горючее, возможно, прибывали на фронт слишком медленно или в недостаточном количестве.

Во всяком случае, такие количественные сравнения зачастую вводят в заблуждение (делаются ли они в разгар боев или задним числом), и мы не видим нужды подробно разбирать здесь противоречивые утверждения обеих сторон. Однако в период Смоленского сражения в пользу русских действовали три фактора. Во-первых, боевой дух советских войск был теперь гораздо выше, чем раньше: мысль, что они сражаются не в далекой Белоруссии, а буквально на дороге в Москву, оказала важное психологическое воздействие. Во-вторых, советская артиллерия, являвшаяся почти единственным оружием, с помощью которого Красная Армия могла сражаться как с танками, так и с авиацией, была значительно лучше немецкой. В-третьих, огромное военное, а еще больше психологическое значение имело появление в советских войсках сокрушительных минометов — «катюш». Маршал А. И. Еременко писал впоследствии:

«Новое оружие мы испытали под Рудней... 15 июля во второй половине дня непривычный рев реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение тяжким грохотом и ослепительным блеском. Эффект одновременного разрыва многих десятков мин

превзошел все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупрежден о намеченном использовании этого оружия)»³².

Советское командование также ввело в бой некоторое количество современных самолетов, поэтому превосходство немцев в воздухе уже не было таким полным, как в первые три недели войны. Но независимо от численного превосходства той или другой стороны главное было в том, что Красной Армии удалось замедлить, а потом и остановить германский блицкриг восточнее Смоленска, а это имело ряд важных последствий.

С точки зрения русских, это были отчаянные арьергардные бои, но достаточно большого масштаба и достаточно затяжные, чтобы дать передышку Советскому Главнокомандованию. «Смоленская линия» была щитом, позволившим советским армиям перегруппироваться и подтянуть резервы для обороны Москвы.

С точки зрения немцев, сопротивление русских в районе Смоленска впервые нарушило планы их командования, а вызванная этим задержка поставила перед ним серьезную стратегическую проблему.

4 августа, когда тяжелые бои вокруг Смоленска продолжались уже около трех недель, Гитлер созвал совещание в ставке группы армий «Центр» в Новом Борисове. По словам присутствовавшего на этом совещании Гудериана, Гитлер считал главной задачей захват Ленинграда. Он еще не решил, что будет на очереди потом — Москва или Украина, но склонен был как будто бы выбрать последнюю... Он надеялся овладеть Москвой и Харьковом к началу зимы. Но в тот день никаких решений принято не было³³.

В течение следующих 20 дней в районе Смоленска шли тяжелые бои с переменным успехом, но, когда 23 августа Гитлер созвал новое совещание, предложение Гудериана сосредоточить все силы для наступления на Москву было отклонено. Гитлер окончательно решил нанести основной удар по Украине и Крыму, заявив, что сырье и сельское хозяйство Украины имеют жизненно важное значение для продолжения войны. Что касается Крыма, то это был «советский авианосец для нанесения ударов по румынским нефтепромыслам», и поэтому его надо было ликвидировать. «Мои генералы, — заявил он, — ничего не смыслят в экономических аспектах войны». Но хотя Гитлер по-прежнему считал, что и по этому новому плану Москва может быть захвачена до наступления зимы, Гудериан понимал, что

теперь это было почти невозможно, и потому был очень недоволен решением Гитлера — по крайней мере так он говорил после войны. Позже он назвал «роковой ошибкой» решение Гитлера двинуть две армии и танковую группу на юг, вместо того чтобы предпринять концентрированное наступление на Москву.

Хотя советские источники отвергают как фантастические утверждения немцев, будто в ходе Смоленского сражения они захватили 384 тыс. пленных, более 3 тыс. танков и более 3 тыс. орудий, все же Красная Армия понесла, несомненно, тяжелые потери. В «Истории войны» говорится, что со стороны советских войск 32 тыс. человек пропало без вести и что они потеряли 685 танков и 1178 орудий³⁴. Тем не менее Смоленское сражение явилось одним из поворотных пунктов войны. Красная Армия остановила германский блицкриг и заставила Гитлера изменить свои планы. Кроме того, оно оказало большое воздействие на боевой дух Красной Армии. Если вначале на советских солдат производила ошеломляющее впечатление мощь германской армии, и особенно количество танков, то к концу июля многие бойцы научились применять против танков такое оружие, как гранаты и бутылки с горючей смесью, и панический страх все больше уступал место здоровой ненависти к фашистам. Очень способствовали поднятию боевого духа первые награждения медалями и орденами, хотя и не такие щедрые, как впоследствии. После Смоленского сражения около тысячи человек были награждены орденами и медалями, а семи присвоено звание Героя Советского Союза.

Глава V. Москва в начале войны

Я приехал в Советский Союз 3 июля 1941 г., через двенадцать дней после начала германского вторжения. Маршрут моей поездки из Лондона в Москву был таков, какой возможен только в военное время: вместе со второй партией сотрудников английской военной миссии я вылетел в Инвернесс, затем на Шетландские острова и оттуда на летающей лодке «Каталина» — в Архангельск, преодолев все расстояние за один 16-часовой скачок. Последние несколько часов мы летели над обширной необитаемой тундрой Кольского полуострова. Потом, пролетев над Белым морем и портом Архангельск, мы сели на реке Двине, в нескольких километрах южнее Архангельска.

Москвичи устанавливают противотанковые заграждения на Большой Калужской улице (ныне Ленинский проспект). Москва

В составе этой второй партии военной миссии (первая, во главе с генералом Мейсоном Макферланом, вылетела в Москву несколькими днями ранее) были два сотрудника министерства внутренних дел в мундирах полковников, специалист по борьбе с пожарами, который вез в Москву переносный насос — распылитель для тушения зажигательных бомб, и специалист по бомбоубежищам.

Нас принимали на борту парохода полковник и два очень любезных майора, а потом в течение вечера к нам присоединились и другие офицеры. Некоторые упоминали о выступлении Сталина по радио в тот самый день и выражали мнение, что война будет очень долгой и трудной, но что СССР в конце концов победит. Один из майоров заверял меня, что противовоздушная оборона Москвы настолько хороша, что город, вероятно, никогда не подвергнется бомбардировкам, и что то же самое можно сказать о Ленинграде.

Все они живо интересовались Англией. Любопытно, что и полковник и оба майора проявляли особый интерес к Рудольфу Гессу, который, как видно, их несколько беспокоил. Они читали речь Черчилля и говорили, что она очень обрадовала русских, хотя им известно, что

Черчилль был одним из главных «вдохновителей интервенции» во время гражданской войны. Но при всем том, спросил один из майоров, вполне ли я уверен, что предложения Гесса отклонены? Очевидно, сами они еще сомневались в намерениях Англии и Америки.

За окном по-прежнему стояла белая ночь. В сумерках рисовались силуэты елей на крутых песчаных берегах реки. Комаров было видимо-невидимо. Мы поспали часа два, после чего нас доставили на моторных лодках на некоторое расстояние вверх по реке и затем машиной до аэродрома. В 6 часов утра солнце стояло уже высоко в небе. Мы шли к самолету по колышущей ветром траве и полевым цветам. Это был большой «Дуглас», и в течение трех-четырех часов мы летели, казалось, над сплошным, нескончаемым лесом. Затем в Рыбинске мы пересекли Волгу и, пролетев еще некоторое время над более густонаселенной местностью, достигли пригородов Москвы.

Москва выглядела, как обычно. На улицах толпился народ, в магазинах все еще было полно товаров. По всей видимости, недостатка в продуктах питания не ощущалось: в первый же день я зашел в большой продовольственный магазин на Маросейке и был удивлен широким выбором конфет, пастилы и мармелада. Люди все еще покупали продукты свободно, без карточек. Молодые москвичи в летних костюмах отнюдь не выглядели бедно одетыми. На большинстве девушек были белые блузки, на юношах — белые, желтые или голубые спортивные майки или рубашки на пуговицах и с вышитыми воротниками. Люди жадно читали наклеенные на стенах плакаты, которых, надо сказать, было множество: советский танк, давящий гигантского краба с усами Гитлера; красноармеец, загоняющий штык в горло огромной крысы с лицом Гитлера. «Раздавить фашистскую гадину!» — гласила подпись под этим плакатом. Потом — обращение к женщинам: «Женщины, идите в колхозы, замените ушедших на фронт мужчин!» На многих домах были вывешены полосы «Правды» и «Известий» с полным текстом речи Сталина, и повсюду толпы людей перечитывали ее.

Москва была охвачена настоящей шпиономанией, возможно, что это отчасти объяснялось содержащимся в речи Сталина предостережением против шпионов и «диверсантов». Казалось, что люди всюду видели шпионов и парашютистов. Ехавшие со мной из Архангельска сержанты английской армии в первый же день пережили очень неприятное приключение. С аэродрома они отправились в Москву на грузовике с багажом миссии. На углу одной из улиц их остановила милиция. Вокруг собралась толпа, удивленная незнакомой английской формой, и кто-

то воскликнул: «Парашютисты!», после чего толпа стала волноваться и кричать. В результате сержантов отправили в отделение милиции, откуда их в конце концов вызволил один из сотрудников посольства.

По разным поводам производилась проверка документов, и было совершенно необходимо иметь их в порядке, особенно после полуночи, когда для хождения по городу требовался специальный пропуск. Нерусская речь немедленно вызывала подозрение.

Особую бдительность проявляли женщины из вспомогательной милиции. Как-то вечером я шел по улице Горького вместе с Жаном Шампенуа³⁵, как вдруг женщина-милиционер закричала на него: «Вы почему курите?!» — и приказала немедленно потушить сигарету: она вообразила, что он, может быть, подает сигнал немецкому самолету!

Весь день по улицам проходили, обычно с песнями, солдаты. Формирование ополчения было в полном разгаре. В эти первые дни июля десятки тысяч людей, в том числе много пожилых, являлись добровольно на сборные пункты (один такой пункт помещался в Хохловском переулке, напротив дома, где я жил) с узелками или чемоданами. Там добровольцев сортировали — причем некоторых отвергали — и направляли в учебные лагеря.

В остальном в Москве было довольно спокойно. Люди на улицах иной раз шутили и смеялись, хотя, что весьма показательно, лишь очень немногие открыто говорили о войне.

Мавзолей Ленина я нашел закрытым, и двое часовых с винтовками без лишних слов велели мне проходить мимо. Внешне жизнь, казалось, шла обычным порядком. Четырнадцать действовавших театров были, как всегда, переполнены; в ресторанах и гостиницах людей было по-прежнему набито битком.

При всем том Москва готовилась к воздушным налетам. Уже 9 июля вдоль трамвайных путей начали разъезжать грузовики, с которых производилась раздача мешков с песком. На этой неделе я написал статью о налетах на Лондон и о принятых англичанами мерах предосторожности. Она была сразу же напечатана в «Известиях», вызвала большие толки и даже некоторую полемику о том, следует ли тушить зажигательные бомбы водой, что я считал неправильным. Мой рассказ о воздушных налетах на Лондон обсуждался тем более широко, что в период действия советско-германского договора советская печать мало писала о бомбардировках, которым подвергалась Англия.

Со второй недели июля в связи с ожидавшимися налетами германской авиации началась массовая эвакуация детей из Москвы.

Многим женщинам было предложено поехать на работу в колхозы. Вокзалы были переполнены людьми, получившими разрешение уехать из Москвы. Многие женщины, которых я видел вечером 11 июля на Курском вокзале — откуда они отправлялись в Горький, — плакали, боясь, что им еще не скоро удастся вернуться в Москву.

Англо-русские отношения быстро улучшались. В течение второй недели июля Стаффорд Криппс, к которому русские относились очень холодно до самого начала нацистского вторжения, имел две встречи со Сталиным, а 12 июля в Кремле состоялось торжественное подписание Молотовым и Криппсом англо-советского соглашения в присутствии И. В. Сталина, адмирала Н. Г. Кузнецова, маршала Б. М. Шапошникова, генерала Мейсона Макферлана и главы английской торговой миссии Лоренса Кэдбери. Сталин через переводчика довольно долго беседовал с Мейсоном Макферланом.

На другой день на пресс-конференции С. А. Лозовского русские все еще удивлялись подписанию соглашения, которое предусматривало взаимную помощь и содержало обещание не заключать сепаратного мира с Германией. Сам Лозовский был, видимо, приятно удивлен и сказал, что это наносит сильнейший удар по Гитлеру, так как опрокидывает его план воевать с Востоком и Западом поочередно. На вопрос, можно ли считать США молчаливым партнером этого соглашения, Лозовский смело сказал: «США слишком великая страна, чтобы молчать».

В первые недели войны положение представителей иностранной печати в Москве было очень странным. Единственными официальными источниками информации были советская печать с ее сводками военных действий и военными очерками и упомянутые пресс-конференции Лозовского, проводившиеся три раза в неделю.

Газетные очерки были посвящены главным образом отдельным героическим подвигам русских, хотя время от времени, особенно в газете «Красная звезда», появлялись полезные обзоры. Сводки носили обычно осторожный характер и зачастую давали только смутное представление, где в тот момент шли бои, но люди скоро научились читать между строк. Сообщение о боях на «Минском направлении» или на «Смоленском направлении» обычно означало, что эти города уже сданы, а изучение лексикона сводок позволяло представлять себе масштабы неудач советских войск. Так, выражение «тяжелые оборонительные бои против превосходящих сил противника» означало, что части Красной Армии терпели поражение на данном участке. Это было худшее из всех выражений, встречавшихся в сводках.

Общей тенденцией пресс-конференций Лозовского было внушить мысль, что все неудачи СССР являются временными; что, несмотря ни на какие территориальные потери, немцы не победят; что Москва и Ленинград, во всяком случае, не будут сданы; что советские потери, бесспорно, велики, но немцы потеряли еще больше (это был самый сомнительный из доводов Лозовского); что отношения между Германией и ее сателлитами крайне натянутые (это также представлялось весьма сомнительным летом и осенью 1941 г.). Иногда он сообщал важные факты, например о разрушении Днепрогэса или о высылке на восток всего населения автономной республики немцев Поволжья — что-то около полумиллиона человек. О таких крупных катастрофах, как захват немцами многих сотен тысяч пленных и колоссальные потери советской авиации, вообще не упоминалось. В то же время Лозовский был склонен преувеличивать количество действовавших на фронте немецких танков и самолетов: так, он говорил, что в боях принимало участие 10 тыс. немецких танков.

Лозовский был старый большевик, отличавшийся внешним лоском; он принадлежал к первой эмиграции, много лет жил в Женеве и Париже, знал Ленина, хорошо говорил по-французски и своей бородкой и элегантными костюмами напоминал скорее завсегда на бульваров, которого легко было представить себе на террасе кафе «Наполитэн» в «прекрасную эпоху». После революции он работал в Профинтерне — красном Интернационале Профсоюзов, а затем стал заместителем наркома иностранных дел. Как старый большевик, он, должно быть, пережил немало тревожных минут во время чисток. Однако Лозовский уцелел, хотя по своим личным качествам он не слишком подходил к окружению Сталина. В 1943 г. он стал одним из руководителей Еврейского антифашистского комитета, что его в конце концов и погубило: в 1949 г. Лозовский был расстрелян.

В 1941 г. Лозовского, возможно, ошибочно считали одним из уцелевших представителей литвиновской когорты в наркомате иностранных дел; предполагалось, что он относился к Западу с большей симпатией, чем Молотов. Тем не менее однажды Лозовский совершенно недвусмысленно отмежевался от Литвинова. Это был любопытный инцидент: как раз за два дня до подписания соглашения Криппс — Молотов Литвинов должен был выступить по Московскому радио. Но выступил он только на границу и притом на английском языке. На следующее утро советская печать опубликовала несколько выдержек из этого выступления. Опустив слова о том, что

«прошлое нужно предать забвению» и что «мы все делали ошибки», газеты сосредоточили внимание на утверждениях Литвинова, что немцы являются общим врагом и что «на Западе не должно быть фактического перемирия». На вопрос, какую роль Литвинов будет играть в дальнейшем, Лозовский нехотя ответил, что «г-н Литвинов, может быть, будет еще выступать по радио».

Источники информации, доступные советской общественности, были весьма скудными. В самом начале войны населению было предложено сдать радиоприемники. Исключение было сделано для иностранных дипломатов, журналистов и некоторых советских ответственных работников. Все остальные могли слушать только программу, транслировавшуюся по московской городской радиосети. Конечно, было бы весьма нежелательно допустить распространение германской пропаганды.

Впрочем, известия далеко не радовали и без этих германских комментариев. К 11 июля уже стало известно, что немцы подходят к Смоленску и что захвачена большая часть территории Прибалтийских республик. К 14 июля было объявлено о боях на «Островском направлении», что говорило о быстром продвижении немцев к Ленинграду с юга. К 22 июля поступили известия, что финны ведут бои на «Петрозаводском направлении», а к 28 июля — что немцы продвигаются к Киеву. Но когда к середине июля немцы, по всей видимости, застряли под Смоленском, в Москве это вызвало бурную радость, чувство, что худшее, пожалуй, позади, хотя как с Ленинградского фронта, так и с Украины продолжали поступать удручающе плохие известия.

Первый воздушный налет на Москву был совершен в ночь на 22 июля. Особенно внушительное впечатление произвел мощный заградительный огонь: шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного. В широких масштабах была организована борьба с пожарами. Позже я узнал, что многие из тех, кто тушил пожары, получили тяжелые ожоги от зажигательных бомб, иногда по неопытности. Мальчишки первое время хватали бомбы голыми руками!

Вскоре стало известно, что вокруг Москвы было три полосы противовоздушной обороны и что во время первого налета прорвалось едва 10–15 самолетов из двухсот. Иногда можно было услышать взрывы тяжелых фугасных бомб, но их было очень немного. На следующее утро многие стекла оказались разбитыми, кое-где виднелись воронки от бомб, в том числе одна на Красной площади; возникло несколько

пожаров, быстро потушенных, но в общем ничего особенно серьезного не произошло. В ночь на 23 июля состоялся второй налет, также причинивший небольшой ущерб. Единственным серьезным случаем была гибель ста с лишним человек в результате прямого попадания в большое бомбоубежище на Арбатской площади. Но, как и в первую ночь, прорвалось только небольшое количество самолетов.

Воздушные налеты продолжались все последние дни июля и большую часть августа. В выпущенных в конце июля инструкциях уже говорилось, что зажигательные бомбы нужно тушить песком, но тем не менее продолжали применять и воду.

В целом Москва в эти первые два месяца войны являла зрелище спокойствия. Официальный оптимизм более или менее подогревался печатью. Исключительно большое значение придавалось остановке немцев под Смоленском, хотя с других участков фронта продолжали поступать в высшей степени зловещие известия. Но, по крайней мере, продвижение немцев уже было не таким быстрым, как в две первые страшные недели.

Условия в Москве становились более трудными. Если в начале июля еще ни в чем не ощущалось сколько-нибудь значительного недостатка и особенно много было продуктов питания и папирос (продавались даже красивые коробки шоколадных конфет с надписью «Изготовлено в Риге, Латвийская ССР», теперь уже находившейся в руках у немцев), то все же люди все время понемногу запасались товарами, и к 15 июля нехватка продовольствия стала очень заметной. Горы папирос, продававшихся почти на каждом углу, быстро исчезли. 18 июля было введено строгое нормирование продуктов; население разделили на три категории. Правда, продолжали торговать колхозные рынки, но цены быстро росли. В магазинах еще продавались кое-какие потребительские товары; в конце августа я даже умудрился купить себе пальто из меха белой сибирской лайки в магазине в Столешниковом переулке, где по-прежнему был довольно широкий выбор оленьих полушубков и т.п. Я заплатил за свою «собачью доху» 335 рублей, что было дешево. Но другие магазины, как я обнаружил, быстро распродавали свои запасы обуви, галош и валенок.

Однако рестораны работали, как и прежде, и в таких больших гостиницах, как «Метрополь» и «Москва», а также в ресторанах вроде знаменитого «Арагви» на улице Горького еще подавали хорошие блюда. Переполнен был и коктейль-холл на улице Горького. Работали кинотеатры и 14 театров. Многие из них ставили патриотические

пьесы и спектакли на злободневные темы. Большой театр был закрыт, но его филиал на Пушкинской улице действовал, и молодежь, как обычно, толпилась у входа, спрашивая лишние билеты, а в зрительном зале устраивала бурные овации при каждом выступлении Лемешева и Козловского. В Малом театре шла пьеса Корнейчука «В степях Украины», и зрители встречали громом аплодисментов слова одного из действующих лиц:

«Возмутительнее всего это, когда вам не дают достроить крышу вашего дома. Нам бы еще лет пять! Но если начнется война, мы будем драться с такой яростью и ожесточением, каких еще свет не видывал!»

В кино всякий раз, когда в журналах появлялся Сталин, люди начинали громко аплодировать, что они вряд ли стали бы делать в темноте, если бы действительно не испытывали таких чувств. Авторитет Сталина не вызывал никаких сомнений, особенно после его речи по радио 3 июля. Все верили, что он знает, что делает. Но при всем том люди чувствовали, что дела идут очень скверно, а многих чрезвычайно удивляло, что СССР вообще подвергся вторжению.

В театрах ставились патриотические пьесы, вроде шедшей в Камерном театре «Очной ставки» (где немецкий агент в конце концов в отчаянии сдавался, убедившись в полном единстве русского народа), пьесы о победоносных русских полководцах Суворове и Кутузове. По воскресеньям в саду «Эрмитаж» по-прежнему толпилась штатская и военная публика. Здесь в переполненном зале Буся, Гольдштейн исполнял скрипичный концерт Чайковского, а в одном из театров шли сатирические скетчи, высмеивавшие Гитлера, Геббельса, немецких солдат, немецких генералов, немецких парашютистов, которых неизменно удавалось перехитрить патриотически настроенным колхозникам. Зрителям это нравилось, и они смеялись.

Поэты сочиняли патриотические стихи, а композиторы слагали военные песни; по улицам проходили солдаты, распевавшие довоенный «Синий платочек», «Катюшу», «В бой за родину» или же новую, торжественную «Священную войну» Александрова, остававшуюся своего рода полуофициальным гимном на протяжении всей войны.

Однако наряду с этим многие театры сохранили старый репертуар. В Московском Художественном театре шли «Три сестры», «Анна Каренина» и «Школа злословия»; сезон Большого театра открылся в конце сентября балетом «Лебединое озеро» с участием Лепешинской. Это было всего за несколько дней до начала генерального наступления немцев на Москву.

Английское и американское посольства проявляли в эти дни большую активность. Криппс и Штейнгардт стали привычными фигурами в Москве, и их часто показывали в кинохронике. В конце июля были восстановлены дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне, хотя вскоре это привело к первым осложнениям. Через один-два дня после подписания И. М. Майским и Сикорским соглашения от 30 июля я спросил у Лозовского, началось ли освобождение польских военнопленных и принимаются ли меры к формированию польской армии в СССР. Он дал уклончивый ответ, что такие меры принимаются, но в связи с тем, что поляки «разбросаны по всему Советскому Союзу», предстоит еще решить много практических вопросов.

Были восстановлены также дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Югославии, Бельгии и Норвегии. Важное значение имело англо-советское решение оккупировать Иран.

Вершиной дипломатической активности в то мрачное лето был визит Гарри Гопкинса, за которым последовал визит Бивербрука. Все это, и особенно приезд Гопкинса, ободряло русских. Конечно, в то время не сообщалось о точной цели визита Гопкинса и строились только предположения, что американцы намерены «помогать». Нечего и говорить, что в народе уже ходило много разговоров о необходимости второго фронта: почему бы англичанам не высадиться во Франции? Официально пока что об этом говорилось очень мало, но печать явно распространяла мысль, что это имело бы очень важное, если не решающее значение. Для поднятия духа усиленно подчеркивалось значение налетов английской авиации на Германию, хотя все, по-видимому, чувствовали, что этого недостаточно... Но советской публике еще ничего не было известно об уже начавшейся оживленной переписке между Черчиллем и Сталиным, принимавшей подчас характер пререканий.

Как Стаффорд Криппс, так и глава английской военной миссии генерал Мейсон Макферлан доброжелательно относились к русским, хотя Криппсу пришлось вытерпеть немало унижений во времена советско-германского пакта. Летом и в начале осени я часто виделся с ними обоими. Оба считали положение на Восточном фронте серьезным, но вовсе не безнадежным и были твердо убеждены, что Красную Армию не удастся сломить, какой бы отчаянный оборот ни принимали события иной раз: в самом начале, потом после захвата немцами Киева и форсирования Днепра и, наконец, когда они подошли к Ленинграду

и начали свое «последнее» наступление на Москву. Однако Криппс и Макферлан неизменно считали СССР постоянным и решающим фактором в борьбе против нацистской Германии. На обоих большое впечатление произвел Сталин с его знанием деталей. Особенно впечатление произвел на Криппса тот факт, что в своих переговорах с англичанами и американцами Сталин всегда, за исключением, возможно, одного случая, исходил из перспективы длительной войны. В частности, просьба о поставках алюминия была воспринята Криппсом как свидетельство того, что Сталин заглядывал далеко вперед.

Некоторые из молодых английских и американских дипломатов и журналистов были, однако, склонны думать, что Советский Союз потерпит катастрофу. Одна американская журналистка рассчитывала остаться в Москве в качестве «нейтральной», чтобы посмотреть из окна своего номера в гостинице «Националь», как немцы пройдут по Красной площади. Но в основном журналисты испытывали по отношению к русским чувства доброжелательности и восхищения.

Глава VI. Осенняя поездка на смоленский фронт

Смоленск в сентябре 1941 года

В конце августа — начале сентября советские войска успешно провели ряд наступательных операций в районе севернее, юго-восточнее Смоленска и освободили от немецких захватчиков город Ельню. Августовские бои не были крупным сражением советско-германской войны, и, однако, нужно было пережить страшное лето 1941 г., чтобы понять, какое огромное значение имел этот небольшой успех для поднятия морального духа советских войск. Весь август и часть сентября советская печать уделяла большое внимание наступательным действиям в районе Смоленска, хотя это не соответствовало ни их тогдашнему, ни конечному значению. И все же это была не просто первая победа Красной Армии над немцами, но и первый кусок земли во всей Европе — каких-нибудь 150–200 квадратных километров, быть может, — отвоєванный у гитлеровского вермахта. Странно думать, что в 1941 г. даже это считалось огромным достижением.

Хотя до тех пор иностранных корреспондентов не пускали на фронт, победа под Ельней была таким событием, которое надо было предать международной огласке, и поэтому двенадцать или тринадцать журналистов были отправлены на машинах в недельную поездку по фронту, начавшуюся 15 сентября.

Оглядываясь назад, поражаешься прежде всего трагизму всей обстановки. Трагичен был город Вязьма, подвергавшийся непрерывным воздушным налетам с близлежащих германских аэродромов. Еще трагичнее были молодые летчики на небольшом аэродроме для истребителей под Вязьмой, совершавшие по семь-восемь вылетов в день и постоянно выполнявшие почти самоубийственные задания. Трагичной была вся полностью разрушенная территория Ельнинского выступа, где все города и деревни были уничтожены, а немногие уцелевшие жители ютились в погребах и землянках.

Вязьма, куда мы прибыли к вечеру, выглядела почти обыкновенно, несмотря на большое число солдат и разбомбленные дома. Это был тихий маленький городок с учрежденческими зданиями на центральной площади, ветхими церквями и памятником Ленину. В остальном же он состоял из тихих провинциальных улиц с деревянными домами, с палисадниками и рядами грубо сколоченных деревянных заборов. В палисадниках росли высокие подсолнухи и георгины, у ворот судачили старухи в платках. Вряд ли город особенно изменился со времен Гоголя.

Наша беседа в ту первую ночь в Вязьме с генералом В. Д. Соколовским, тогда начальником штаба Западного фронта, была в тех условиях

успокаивающей. Тихим ровным голосом он рассказывал, что русские добились на этом центральном участке в течение недель. Он придавал величайшее значение тому факту, что продвижение немцев остановлено за Смоленском, утверждал, что за минувший месяц было разгромлено «несколько германских армий» и что только в первые дни сентября немцы потеряли 20 тысяч человек. На этом же участке за последние недели было сбито несколько сот самолетов. Блицкриг как таковой, сказал Соколовский, кончился, а теперь по-настоящему начался процесс «перемалывания» германской военной машины, и Красной Армии даже удалось отвоевать на этом участке порядочный кусок территории. Чтобы остановить советское контрнаступление, немцам пришлось в последние дни подтянуть подкрепления.

Соколовский считал, что действовавшие в тылу противника партизаны причиняли серьезный ущерб германским коммуникациям. Советская артиллерия, по его мнению, значительно превосходила немецкую, хотя он признавал, что немцы все еще обладали значительным превосходством в авиации и танках. Он также отметил то важное обстоятельство, что Красная Армия обеспечена полушубками и другим зимним обмундированием и что советские войска могут выдерживать сильные морозы, которые не в силах выдержать немцы. Показательно, что генерал В. Д. Соколовский уже тогда придавал величайшее значение той роли, которую вскоре предстояло сыграть зиме. Потом, подумав, он добавил, что может говорить только о Центральном фронте и не компетентен судить о делах на севере и юге, где в то время положение было крайне серьезным.

На вопрос, считает ли он, в связи с тем что он сказал, новое германское наступление на Москву невозможным, Соколовский ответил: «Конечно, не считаю. Они всегда могут сделать последнюю отчаянную попытку или даже несколько «последних отчаянных» попыток. Но я не думаю, — добавил он твердо, — что они дойдут до Москвы».

На закате мы подъехали к небольшой базе истребителей под Вязьмой. Подъезжая, мы услышали гул моторов, и, несмотря на сгущавшуюся тьму, советский истребитель спикировал и мягко сел на аэродром.

К нему бросилась толпа летчиков. Приземлившийся самолет был истребитель, но с отсеком для бомб... Молодой пилот, выбравшись из кабины, внимательно осматривал одно из крыльев, пробитое зенитным снарядом. Летчик сбросил бомбы на германский аэродром под Смоленском, где его встретил довольно сильный огонь зенитной артиллерии. Он поджег ангар и был, видимо, очень доволен результа-

том. Летчику не было еще и двадцати, но он уже немало летал. На вопрос, сколько вылетов в день он делает, летчик ответил: «Отсюда до германских линий — пять, шесть, семь вылетов в день. На это уходит всего час в оба конца». Там же я увидел другого, белокурого молодого летчика и я спросил у него, как ему нравится эта опасная жизнь. «Я ее люблю, — ответил он. — Возможно, она и опасная, но зато каждая минута волнует. Это самая лучшая жизнь. Только так и стоит жить». («Неужели он действительно так думает?» — спрашивал я себя.)

Позже нам показали в действии реактивную мину, которую эти самолеты применяли против танков. И все же что-то трогательно-жалкое было в этих тихоходных старых самолетах, которые использовались как истребители-бомбардировщики и, вероятно, с очень небольшим эффектом, но ценой тяжелых потерь летного состава.

Эта неделя, проведенная на Смоленщине, подействовала на меня в известной мере ободряюще, но в то же время оставила впечатлительные трагедии. Исторически то была одна из стариннейших русских земель, чуть не самое сердце древней Руси. Старинный город Смоленск уже был у немцев, а фронт проходил в 30–40 км восточнее него. Мы проезжали через деревни, где немцев еще не было. В этих деревнях почти не осталось мужчин — только женщины, дети да несколько стариков. Многие женщины волновались, предчувствуя плохое. Многие из деревень прифронтовой полосы подвергались бомбежке и пулеметному обстрелу. Некоторые деревни и небольшие города были полностью уничтожены германскими бомбардировщиками, и поля ржи и льна вокруг них стояли необработанные.

Затем были встречи с солдатами. Мы посетили много полковых штабов, иногда расположенных всего в 1,5–2 км от линии фронта, и вокруг часто падали снаряды. В течение последнего месяца эти люди наступали, хотя и дорогой ценой. Многие из офицеров — как, например, полковник Кириллов, встретивший нас на лесистой возвышенности, с которой просматривались германские линии по другую сторону узкой лощины, — казались толстовскими персонажами: храбрые, грубоватые, принимавшие войну как нечто обычное. Некоторые из этих людей отступали сотни километров, но теперь были счастливы, что остановились и даже потеснили немцев. Кириллов усыновил и сделал «сыном полка» маленького 14-летнего мальчика, чьи отец и мать погибли во время бомбардировки одной из ближних деревень.

Один раз мы ночевали в полевом госпитале, состоявшем из нескольких больших палаток; в двух из них еще лежали тяжелоране-

ные, которых нельзя было перевозить, — потерявшие оба глаза или обе ноги. Всего недель раньше в этих палатках лежали сотни раненых. Все медсестры были студентки Томского медицинского института, все до одной молодые и на редкость хорошенькие, какими обычно бывают сибирячки. Медицинский персонал состоял из семи хирургов, шести терапевтов и этих 48 сестер, и всего неделю назад им приходилось обрабатывать по 300 раненых в день. Палатка, в которой разместилась операционная, была хорошо оборудована, снабжена рентгеновским аппаратом и аппаратурой для переливания крови. До сих пор, сказал нам главный хирург, москвич, они не испытывали недостатка в медикаментах.

Но, пожалуй, оптимизм военных был больше показной. Однажды я беседовал с капитаном из Харькова, изучавшим историю и экономику в Харьковском университете. В минувшем месяце капитан участвовал в тяжелых боях под Киевом, откуда его полк был переброшен под Смоленск. Он был настроен мрачно. «Незачем делать вид, что все хорошо, — сказал он. — Размахивание флагами и ура-патриотизм хороши в пропагандистских целях, для поддержания духа. Но здесь можно перегнуть палку, как это иногда и бывает. Нам понадобится большая помощь из-за границы.

Я знаю Украину, знаю, какое огромное значение она имеет для всего нашего народного хозяйства. Сейчас мы потеряли Кривой Рог и Днепропетровск, а без криворожской руды промышленности Харькова и Сталино, если мы не потеряем и их, будет трудно работать на полную мощность. Ленинград с его квалифицированным рабочим классом также почти изолирован. К тому же мы просто не знаем, как далеко еще продвинутся немцы; теперь, когда их войска заняли Полтаву, мы вполне можем потерять и Харьков. Мы уже несколько недель слышим об экономической конференции, которая должна собраться в Москве; говорят, что лорд Бивербрук находится в пути, — не знаю, что это даст...»

Он продолжал: «Это очень тяжелая война. И вы не представляете, какую ненависть немецкие фашисты пробудили в нашем народе. Вы знаете, мы беспечны и добродушны, но, заверяю вас, они превратили наш народ в злых мужиков. Злые мужики — вот кто мы сейчас в Красной Армии; мы — люди, жаждущие отомстить. Никогда раньше я не испытывал такой ненависти. И для этого есть все основания. Подумайте обо всех этих городах и деревнях, — продолжал он, указывая на красное зарево над Смоленском. — Подумайте о муках и униже-

нии, которые терпит наш народ. — В глазах его сверкнул огонек лютой злобы. — А я не могу не думать о своей жене и десятилетней дочери в Харькове. — Он помолчал, овладевая собой и барабаня пальцами по колену. — Конечно, — сказал он наконец, — существуют партизаны. Это по меньшей мере личный выход для тысяч оставшихся там людей. Терпению людей бывает конец. Они уходят в лес, надеясь, что когда-нибудь смогут убить немца. Зачастую это равносильно самоубийству; часто они знают, что рано или поздно их наверняка схватят и подвергнут всем истязаниям, на какие способны фашисты».

Остановившись затем на вопросе о партизанах вообще, он высказал мнение, что они играют важную роль, хотя и не такую важную, какую могли бы играть. Но если Красная Армия будет по-прежнему отступать, партизаны потеряют связь со своими источниками снабжения и начнут испытывать недостаток в вооружении. «Если бы мы только как следует подготовили партизанское движение, если бы создали тысячи складов с оружием в Западной России! Кое-что было сделано, но далеко не достаточно. На юге же, к несчастью, нет лесов...»

Во время этой поездки на фронт я впервые встретился с поэтом Алексеем Сурковым, который находился там в качестве военного корреспондента. Потом, на более поздней стадии войны, мы вспоминали с ним те дни. «Это было ужасное время, — говорил он. — Помните, мы хотели показать вам наши танки, — так вот, теперь я могу вам сказать, что ни черта их тогда у нас не было!»

Город Дорогобуж в верховьях Днепра, славившийся до войны своими сырами, — куда мы прибыли как-то ночью после многочасовой поездки по невероятно грязным и ухабистым дорогам, — подвергся германской бомбардировке, и теперь от него оставались только коробки каменных и кирпичных зданий да печные трубы деревянных домов. Из 10 тысяч жителей в городе оставалось не более сотни. В июле середь бела дня волны германских самолетов в течение целого часа сбрасывали на город фугасные и зажигательные бомбы. В то время там не было войск; погибли мужчины, женщины, дети — сколько именно, никто не знал.

Переночевав в армейской палатке за городом, мы на другое утро увидели человек пятьдесят — больше всего женщин, а также несколько бледных детей, — выстроившихся в очередь за продуктами у ларька военторга, разместившегося в одном из немногих не полностью разрушенных зданий. По уже «отвоеванной территории» мы поехали в Ельню. Там прошли тяжелые бои. Лес был разбит сна-